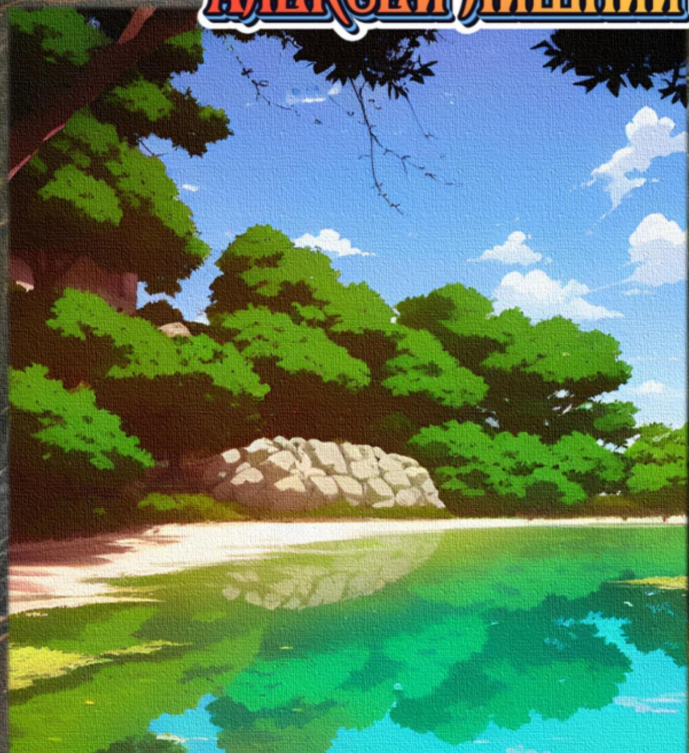

АЛЕКСЕЙ ЛИШНИЙ

Учебники Судьбы

ОСТРОВ ОТЧАЯНИЯ

Алексей Лишний

Учебники Судьбы.

Остров Отчаяния

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69056170

SelfPub; 2023

Аннотация

В «Школе Рока» обучают магии не в классах. Для детей воссоздают атмосферу той книги, по которой они и должны учиться. В первый год это роман «Робинзон Крузо», и потому группа избранных подростков попадает из нашего мира на необитаемый остров...Все иллюстрации и обложка созданы автором при помощи нейросети Dream by Wombo.

Содержание

Пробуждение	4
Юрка Кактус	4
Ненужная Машка	13
Юрка Кактус	25
Ненужная Машка	36
Юрка Кактус	44
Ненужная Машка	54
Юрка Кактус	58
Ненужная Машка	71
Испытание	85
Трюм	85
Палуба	97
Высадка	108
Берег	125
Лагерь	134
"Школа Рока"	143
Перерождение	152
Кристина	152
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Алексей Лишний

Учебники Судьбы.

Остров Отчаяния

Пробуждение

Юрка Кактус

Белый с блестящей голубизной потолок, с глубокими стволами-трещинами и мелкими, расходящимися в стороны, тонкими зигзагообразными веточками – вот с чего начинался каждый божий Юркин день.

Если Юрка просыпался рано, то не спешил подавать виду, что встал. Он лежал, глядя вверх, на этот потолок, который мог бы служить отличным экраном для просмотра диафильмов. Чем Юрка и занимался, только понарошку, представляя, будто прокручивает плёнку, а перед глазами – сцены любимых историй: детской сказки «Муфта, Полботинка и Моховая борода», страшной повести «Пёстрая лента», весёлой истории про Малыша и Карлсона. В них всё, как и в любимых книгах, но только с картинками.

Долго спать Юрке не нравилось: он хотел пожить в своё

удовольствие хотя бы по утрам, вот так лёжа и мечтая, пожить, а не проспять жизнь. Долго спать было и боязно: Старшие запросто могли прийти и подлю сделать гадость какую-нибудь: усы из зубной пасты нарисовать или червяка положить под ухо. Полгода долго спать он и не мог: мешало солнце, слепящее глаза с весны до осени.

– Подъём! – крик воспитательницы, который он ждал, как неизбежную часть жизни, обязательно приходящую в одно и то же время. Неужели где-то там, за забором детского дома мальчишка одиннадцати лет может позволить себе понежиться в кровати в будний день после шести тридцати? Может, этот счастливый Миша или Дима ласково попросит маму не будить его сегодня так рано, а подождать ещё полчаса, пока он досмотрит любимый диафильм на своём потолке? И мама не откажет, а начнёт готовить завтрак – яичницу с колбасой и луком, посыпанную свежим укропом. Аромат долетит до кровати, и это Миша...

– Подъём!!!

Воспитательница лупила полотенцем с крепким узлом на конце по тем увальням, которые и не думали шевелиться. Вой и проклятия смешались в воздухе с руганью и шлепками.

Начиналось утро...

День был будничным, а значит, после умывания, завтрака и общего строя в длинном коридоре ждала школа и работа. Чтобы поменьше работать, Юрка записался на множе-

ство кружков, но Старшие разрешили ходить только на два из них.

– Юрок, сегодня стрелка с Качковскими после уроков возле разрушенной Молочки, – поделился новостью Попугай, пока они шли с туалета в столовку. Он подскочил, словно выпорхнул из клетки, где его держали Старшие.

– А не пойду я, – неожиданно для себя буркнул Юрка. Он терпел все глупые негласные правила и традиции детского дома, но на этот раз не выдержал – отказался. Участвовать в чужой драке, которую он мало того, что не затевал, так и даже причины её не знает, – это перебор, край, граница! Даже у терпения есть предел, точка кипения, за пределами которой оно превращается в иную субстанцию.

– Ты чё? Ошалел, что ль? Тебе ж Децл башку открутит! – возмутился Попугай. Он не зря прозвище от Старших получил. Не за длинный с горбом нос и не за торчащие ёжиком, как у Scootera, волосы – а за то, в чём преуспел за свою короткую, но вполне счастливую жизнь: разносить сплетни, прицениваясь, кому их лучше сказать.

– Какая разница, кто это сделает. Он хотя бы за дело, а Качковские наваляют ни за что. Я ведь с корешами Децла у них со двора металл не тырил. Я не при делах – вот и не пойду на их стрелку, – заявил Юрка и твёрдым шагом пошёл к раздаче утренней каши.

Попугай не спешил за ним. Он остановился, будто в раздумье. И вроде бы мысль Кактуса казалась ему разумной, но

что-то внутри мешало принять её, что-то, заставляющее соблюдать неписанные правила...

А за твёрдостью, на самом деле, Юрки крылось нервное возбуждение: жребий брошен, и Рубикон перейдён. Не подчиниться требованиям Децла было куда страшнее, чем требованиям... даже директорши.

Нинка разве в приступе ярости каблуком могла по уху дать, а вот Децл...

Вожак у Старших может мстить долго и при каждом удобном случае. До сей поры он на Юрку особо внимания не обращал: не зря ж его Кактусом прозвали. Выживал здесь Юрий Павлович с малых лет, когда усердно работал, приносил каждодневные двести рублей в общак. В учёбе старанием не выделялся, но втихаря любил книги читать – откуда-то эта страсть в нём жила, словно с кровью перетекла от родителей. Мало кто знал о ней, да и стыдно говорить было вслух, но частенько в свободные часы вырывался Юрка в библиотеку, а скопленные деньги тратил на книги. Потому что иные вещи тут же подростки себе забирали для Старших. Книжки не брали – найдут под подушкой, да и бросят на пол, как хлам. А чтобы они не копились возле кровати, Юрка их к сторожу в каморку относил. Дядя Ваня по хозяйству в детдоме работал и ночью сторожил, чтоб беспорядков не было и воры не забирались. Дядька добрый был, особенно к тем, кто не хулиганил. Юрку так вообще полюбил – его и все учителя любили, хотя он домашку никогда не делал, а на уроках,

особенно на математике, просто сидел и улыбался.

Каша липкой массой затекла в миску. А где-то там, счастливый Миша или Дима, наверное, ест с утра яичницу с беконом и недовольно морщит нос, потому что не любит жареное. Эх, дать бы в нос этому Диме!.. А потом Мише. И кашей в глаз залепить из ложки!

Но в нос, видимо, придётся получать сегодня ночью самому. Будет ведь драка с Качковскими. Там же и кастеты принесут, и свинчатки наденут на кулаки. Вот не дай Бог, убьют детдомовца, так кто потом правды доищется? Да и кому нужна эта правда? Одному только убитому и нужна. А ни врачи, ни милиция не станут ничего искать. Наверное, потому он и Кактус, что выжить хочет, а не за славу детдома биться. В чём слава-то, если сам наворовал и мажешься?

С тех пор, как прежние Старшие ушли, а их место заняли бывшие подростки, положение Юрки и его окружения заметно поменялось. Им больше не нужно было столько работать по детдомовским поручениям: большую часть привычно выполняли мальцы. Вечерами стали отпускать до девяти часов: явишься позже – получишь наказание от воспитателей и от Старших – куда больнее – ночью. Никуда не деться от зависти к погулявшему всласть. Но Юрка, конечно, никогда дольше положенного не задерживался. Время проводил в читальном зале, пока тот не закрывался, а потом гулял по садам, кладбищу и оврагам, избегая опасных мест, где обитала городская шпана.

– На построение! – В столовку зашла воспитательница Горынычиха, как её прозвали из-за неприятного запаха изо рта, когда она говорила, а особенно, когда кричала. – Все в коридор! Живо!

Ещё она, конечно, внешне немного жену известного змея напоминала: передвигалась, будто не на двух ногах, а на двух тяжёлых лапах, которые еле удерживал паркет и прогибался со скрипом от каждого её шага. В причёске её – огненно-рыжем снопе волос – угадывалась скрытая вторая голова. А руки её всё бесхозное и ничейное себе забирали на вечное сохранение.

Поняв, что засиделся со своей кашей, Юрка закидал ложкой остатки в рот и, дожёвывая на ходу, побрёл обратно в комнату собираться в школу.

Утро как утро. Переживёт и день, и вечер, и ночь.

А как ещё? Если не помнишь родителей, если все вокруг воруют, лгут и предают, если лучшая жизнь и лучшие друзья только в книгах, если самому порой приходится делать вещи, за которые потом становится стыдно...

Как ещё?

Конечно, были и те, кто убежал из детдома, но рано или поздно они возвращались. Их или не принимали Миши и Димы с их мамами, или ловили мусора, или они сильно скучали по месту, где обязательно накормят, хоть и быют. Если разобраться, то быют-то везде...

Сашку Рябого приютили, но он сам обратно сбежал в дет-

дом. А ведь приличная семья взяла. Говорит, жёстко с ним обращались: били мордой об стол, если двойку в школе получал; одежду разрешали носить только ту, что позволено у них, свинины так Санёк вообще не видел год и молился по три раза в день. Да кто от такой жизни не сбежит?

Вернулся Рябой, сам прибежал и на коленях просил Нинку взять его назад, но та милицию вызвала. Так и живёт, наверное, до сих пор Санёк где-то там у себя, нелюбимый, непринятый.

Вот Юрка и приучался жить здесь и сейчас. Потому что где-то там может быть даже хуже.

Он же не Миша и не Дима.

Он Юрка. Своих родителей он даже и не знал. В том мире ему места нет. Расти надо здесь.

Вот и стал он Кактусом. Ведь кактусы приспособляются к климату и выживают, потому что хотят жить.

Ненужная Машка

– И в этот прекрасный праздничный день так приятно видеть ваши улыбки, – говорила Тамара Трофимовна, заместительница директора, которой на самом деле приятно было видеть в жизни только одно: как подчиняются её правилам. И, конечно, она сама не знала, откуда их взяла и почему эти правила нужны.

А насчёт улыбок...

Если она видела во время перемены, как дети улыбаются, тут же хмурилась: школьники явно над ней смеются или недавно сделали какую-нибудь подлость, а она её ещё не заметила последствий!

Сейчас же Тамара Трофимовна лгала для красоты момента.

Как делают все люди в мире, по мнению Машки.

Про родителей и говорить нечего. Стоит только обернуться и оценить их внешний вид сегодня – просто шикарная идеальная пара. Красавица мама стоит под ручку с мускулистым высоким папой, оба одетые, как на праздник, глядят и не наглядятся на дочь, затерявшуюся где-то в массе средней школы, болтливой и беспечной.

– Наша школа открывает свой тридцать восьмой, скажем так, сезон, и бу-бу-бу, но бу-бу-бу, а если бу-бу-бу, то бу-бу-бушечки, – говорил директор, как всегда невнятно, но очень патриотично. Машка привычно пропускала его слова мимо ушей.

Конечно, все лгут.

Начать хотя бы с того, что Первое сентября не праздник. Ни для кого. Учителя прекрасно отдыхали в отпуске, продолжительности которого завидуют все; родителям не надо было помогать с уроками, будить детей с утра, мастерить с ними поделки и сдавать деньги на ремонт; ну а уж про самих школьников и говорить нечего – стоит только на лица посмотреть: все будто на похороны пришли.

Нет, ну есть некоторые одарённые.

Гришаня впереди очень довольный стоит. Он-то все книги мира за лето прочитал, и теперь ждёт момента поделиться. Только никто не хочет слушать занудные пересказы.

Или Софка, которая сегодня точно радостная – в пред-

вкушении праздника. У неё ведь каждый праздник с большой буквы! Перетерпит линейку и классный час, а дома уже стол накрыт, друзья собрались (Софка звала к себе, но Машка гордо отказалась), «киндеры» в подарок, и по виду ко-медии американскую смотреть будут.

– Вспоминаю меня в моём детстве. Тогда я не понимал важность моей образованности как человека, но потом... – заливал директор единственного в городе завода, низенький коренастый мужчина в малиновом пиджаке. Машка сморщилась – он тоже врал. Судя по виду, типичный троечник. Школа ну никак ему не помогла стать директором, а то, что он хочет сказать про «потом», – это ложь.

– Машк, ты точно ко мне не можешь, что ль, сегодня? – раздался возле уха голос Софки.

– Нет. Предки не пускают, – солгала Машка.

А что? Всем можно, а ей нет?

По асфальту покружил будущий выпускник, нёсший на плечах девчонку-первоклассницу. Зрелище, видимо, должно было вызвать море слёз умиления, но Машка видела его уже в седьмой раз. А этого одиннадцатиклассника заприметила разок курящим возле заброшенной стройки, когда возвращалась домой любимым обходным путём. Тогда пацан не выглядел милым. Он походил на волка в стае: скалил зубы, усмехаясь вслед одинокой девчонке.

И это называется у них праздником.

Праздник лжи!

Машка давно перестала чувствовать себя одной из них. Она подчинялась их правилам, когда надо было, брала то, что можно было взять, но не хотела вливаться в эту амёбу, какой представляла школу с её целями, лидерами и прочей клеточной массой.

А вот погода, казалось, поддерживала истину в мире. Сегодня был явно не летний денёк: на градуснике дома за окном стрелка показывала плюс десять, а ветер окончательно добивал тех, кто решил прийти на линейку без куртки.

Они стояли во дворе, возле запасного выхода из школы. За забором любопытные зеваки, видимо, пытались вспомнить минуты ушедшего детства.

Наверное, они тоже лгали себе, думая, будто в детстве всё в цветочках и с радугой. Ведь так говорила мама. И ещё подтвердил папа.

А родители-то, между прочим, всё время лгут! Даже себе...

– Пойдёмте на классный час в наш кабинет, – проверещала класснуха, будто обращалась к тем же пятиклашкам, которых взяла когда-то. Она и в одиннадцатом так же их позовёт. Для учителей время, наверное, застывает, особенно когда они выпускают третий или тем более четвёртый класс в большую жизнь, а сами остаются там же, как замороженные.

Кабинет тоже не менялся. И никогда не поменяется. Те же плакаты с формулами и серьёзные лица математиков с бородой на портретах по стенам. Однажды Машка шутя спросила

у Гришани, почему он так сильно старается учиться: не для того ли, чтобы быть навечно мумифицированным в школьных классах. Гришаня ответил типичным недоумением: для него было слишком революционно то, что говорила Машка.

В классе только Надюха сидела без настроения – у неё сегодня тамагочи сдох. Видимо, тоже не перенёс начала учебного года. Остальные веселились вовсю: болтали о летних приключениях, создавали шедевры оригами и отправляли их летать под потолком, плевались снарядами из сплёванных клочков бумаги сквозь ствол гелевой ручки. И только Машка, Гришаня и пара девчонок с плохим зрением на первых партах слушали классную.

– Машк, у тебя наклеек нет новых на обмен? – Сосед по парте, Гоша Гусенков, пристал с извечным вопросом. Он фанател от собирания всего, что можно было собрать. Машка как-то упомянула, что ей нравятся наклейки в жвачках, а не вкладыши, так Гоша с тех пор завёлся и требовал то поменяться, то просто подарить ему новые наклейки, потому что меняться и не на что – у Гоши было всё! – Блин, за лето ж много, наверно, накопилось. У меня есть крутые трансформеры: Бархан, Гальватрон и сам Оптимус, из бойцов – Дольф Лундгрэн и Брюс Ли, ну и «Утиные истории» штук пять.

– Гош, извини, но я все, что были, на ящички стола своего налепила, – снова соврала. И ведь Гоша не обиделся, продолжил считать её такой же безумной фанаткой. И всё хорошо.

Класснуха говорила долго и нудно, как и всегда. Пустого-

ловые пацаны пытались коверкать её слова для смеха, кто-то на последних партах издавал квакающие и крякающие звуки, Гоша положил голову на руки и спал, пока не получил от Машки толчок – класснуха просила разбудить.

Вторая смена имела свои плюсы. Один из них – ты идёшь домой вечером.

Да, сегодня всё закончилось быстро, но Машка отправилась в единственное стоящее приключение дня обходным путём: проводила Гришаню, чтобы побесить его снова революционными взглядами на жизнь. Смешной он, этот Гришка. Неужели он чего-то добьётся в будущем с его-то честностью и трудолюбием? Впрочем, лошади тоже живут как-то...

Они шли вдоль магазинов, манящих выставленными в окнах куклами, коробками железной дороги, тортами с белоснежными лебедями из масла, книжками в суперобложках, мимо вычурного здания музея, главной приманки туристов в городе, потом свернули к набережной, шли вдоль опустевшего осенью пляжа.

Слушая Гришаню, Машка порой хотела быть, как он. Да что ей стоило сделать домашку, если на уроках она схватывала всё на лету?

Ничего.

Но дело-то в принципе, а не в умениях. Принцип же был таким: стараться только для того, что действительно важно. Домашку требовали учителя. В жизни Машки они не играли большой роли. Двойки тоже. А что было действительно

важно, сейчас Машка понять не могла, как ни старалась.

Забросив Гришаню где-то возле Парка Победы, она отправилась на любимое место – вышку.

Вышка располагалась в поле за последним жилым кварталом. Нет, к ней вела приличная дорога, асфальтированная, со скамейками и фонарями, но по ней наворачивали круги только колясочки, то есть мамы с детьми.

На вышке было обалденно встречать закат. Конечно, больше всего на свете Машке хотелось разделить его с кем-то, но никто не понимал радости от вида уходящего в тень города, когда ты стоишь на обдуваемой ветром вершине.

Гришаня готовил уроки, Гоша играл в Сегу, девочки зависали у кого-нибудь на квартире. Только она одна могла насладиться этим мигом.

Машка достала купленную утром жвачку «Элен и ребята», развернула обёртку и достала наклейку с Этьеном и Катти. Улыбнувшись им, как старым друзьям, прилепила её к остальным на ржавом покрытии ограждения. Именно здесь и находилась её коллекция – не в альбоме и не под стеклом. Гоша б убился, увидев такое кощунство.

Наклейки нужны, чтоб их клеить.

А жизнь нужна, чтоб жить.

Машка подставила лицо ещё тёплому осеннему ветру. Он проникал будто под кожу, продувая насквозь и стирая плохие воспоминания. Она снова здесь, видит весь город, который, как на ладони. В нём копошатся муравьи: делают до-

машку, зарабатывают деньги, готовят ужин, ездят на машинах.

А она здесь. С ней «Элен и ребята». Сериал уже давно перестали показывать, но Машка навсегда запомнила их, французских парней и девчонок. Вот с ними было бы классно проводить время. Они бы всё-всё поняли и не смеялись, не унижали, а главное, не лгали.

В многоэтажках загорались цветные окна одно за другим, а тьма всё сгущалась. Как будто дома были огромными разноцветными фонарями во мраке бескрайней пещеры. Когда игра со светом прекратилась, Машка решила отправиться домой – здесь больше делать нечего.

Подпрыгивая на бегу, она миновала скамейку, на которой сидела полнотелая дама с раскрытой книжкой в руках и закрытым зонтиком возле правой ноги.

– Девочка, подожди! – крикнула она ей вслед. – Подожди! У тебя выпало что-то из кармана!

Машка остановила радостный бег.

Выпало? Что там могло выпасть? Жвачка сжёвана, наклейка наклеена...

– Вот... – Женщина протянула серую бумажонку, сложенную вдвое.

– Угу, спасибо, – небрежно бросила Машка и так же небрежно схватила записку.

Наверное, кто-то сунул ей в карман обзывательства, как было однажды в начальной школе. Тогда учительница подняла бучу и защитила Машку, и никто больше не смел писать всякие гадости про неё и её семью. А теперь...

«Если хочешь попробовать начать новую жизнь, приходи сюда завтра».

Машка дважды перечитала записку.

– Это не моё. Откуда?.. – спросила она, поднимая глаза,

но вопрос лишь растворился в воздухе, так как в округе не было ни души.

Одинокая вышка, загородные поля и разноцветные огни городских домов.

Юрка Кактус

Промозгло было вокруг. Это ощущение сырости проникало не только под серую ветровку со сломанной молнией, но и во все здания: мрачные кирпичи построек девятнадцатого века впитывали дыхание осени как бы с ностальгией; из-под крыш высоток темнели струи подтёков; брус Яхты, символа района речников, медленно догнивал.

Юрка тоже, казалось, умирал изнутри. Что-то даже не сосало, а ныло под ложечкой от чувства дикого и непреходящего голода. Ожидание расправы Дамокловым мечом нависало с самого утра. Когда-нибудь он будет жить один, накопит на маленькую квартиру, найдёт скучную, но не тяжёлую работу, чтобы на ней не париться, но получать хорошие деньги. Чтобы ни от кого не зависеть. А вечером приходиться домой и, закрывшись на ключ, массивной железной дверью отгородиться от них – от всех! И погрузиться в неведомые миры: книги, диафильмы, а может, получится – и на видак накопит. Кино, значит, посмотрит. Надо только пережить ещё лет пять детдомовского ада. Правда, после прочтения «Божественной комедии» (в которой он осилил только первые песен шесть) можно называть нынешнее состояние Чистилицем.

Восхождение с Ада началось, когда Юрка перешёл в разряд подростков и перестал выполнять всю грязную работу.

После детдома обязан быть Рай.

Таков план жизни. Или, как говорит учитель истории, экономический план пятилетки.

Коротал время сегодня Юрка в центре: боялся в дебрях ненароком наткнуться на место, где дерутся детдомовцы с Качковскими. В центре хотя бы спокойно: тут людей много.

Юрка гулял, озираясь по сторонам: как-то странно в купеческих домах смотрелись новомодные пластиковые двери и аляповатые витрины с английскими названиями. Вот магазин, который когда-то назывался «Первый». То есть «Магазин №1». В советское время всё было одинаковое – давали только разные номера. Чем-то похоже на детдом...

Сейчас он «Universal market». Интересно, это что-то изменило внутри? Стали покупатели чаще ходить в островок далёкой Америки, в котором работает та же тётя Клава, а продают тот же хлеб, ржаной и белый?

Если да, то, может, и ему после детдома взять звучное английское имя. Не Юрка, не Кактус, а какой-нибудь Брюс или Стэн?

Хотя вот детдомовцы на названия не смотрели. Они по сарафанному радио всё узнавали и покупали сладости и хавку там, где цена не кусалась. Может, когда станет Юрка самостоятельным, тем самым рабочим с однокомнатной квартиркой за железной дверью, он будет разборчивым, и покупать себе кукурузные палочки начнёт только в фирменном магазине «Конфетю», несмотря на их ценники и убогое на-

звание с ошибкой.

Впрочем, это всего лишь мечты о будущем. Сейчас же...

Сейчас же перед глазами Юрки предстал коренастый паренёк с торчащими ушами, наголо стриженный, в засаленном сером свитере и спортивных штанах с лампасами.

Децл!

Он стоял на тротуаре и хищным взглядом впивался в жертву.

– Привет, Дэнчик, – робко начал Юрка...

Попытки примирения оборвались резким апперкотом. Казалось, что-то хрустнуло в воздухе, но боль пришла не сразу – лишь в глазах зарябили искры. Громко вскрикнув и зажав переносицу, пытаясь удержать струйки крови, Юрка отбежал назад.

Да что же это! Да как? Среди белого дня в центре города!

– Ты, гад, будешь в ногах у меня валяться, – орал бешеный подросток. – Пока не допрёшь, что приказы Старших надо выполнять! Сказали сделать, так ты должен делать, а не мазаться. Твои дела – ничто. Твоё время – ничто. Твоя долбаная жизнь – ничто.

После этих сравнений Юрка перестал слушать, поняв основную направленность идеологии превращения человека в ничто, и попробовал незаметно удрать, прячась за угол.

– Пацаны сказали идти – ты должен идти, ясно?! – доносилось из-за угла.

Децил орал, словно ему всё равно, что на него косо смотрели прохожие. Детвора обходила стороной рядом стоящий книжный, хотя ребята, видимо, собирались его посетить перед закрытием.

Поняв, что потерял главного слушателя, Децил пошёл следом и обнаружил Кактуса, уже делающего первые шаги по ступеням, ведущим в подвал старинного особняка.

– Так чё в итоге махач? Кто кого там?.. – Юрка решил сменить тему, останавливаясь и делая вид, будто его заинтересовала надпись на стене «Петров – вор».

– Да не было никакого махача, гадёныш! Я через Попугая тебя просто проверял на тухлость. Ты у нас давно висишь как якорь без корыта: то воспитатель тебя отмажет, то учитель, то сам куда-то пропадёшь. А вот как оказалось: ты просто

зассал! Ага, так и есть. И думаешь, будто можешь Старших ни во что не ставить. Но запомни: ты – ничто!

Кажется, Юрка это уже где-то слышал, но он не подавал вида.

– Знай, вечером суд будет. Там тебе наказание объявим. Носик твой только присказка – сказка впереди.

Суд. Эти уроды его ещё и судить собрались. Юрка долго смотрел в наглую лысую морду, круглую, как апельсин, с зелёными глазами пещерного тролля. И вот это чудище с дружками собралось его за что-то наказывать! И вдруг словно дикая муха Юрку укусила: перед глазами появилось красное марево, будто он очутился в аду, и перед ним стоит сам дьявол и насмехается над его никчёмной жизнью.

– Ты никто! Поклонись мне!

И Юрка нагнулся, якобы кланяясь, но на самом деле вытащил из кладки старого здания магазина рыжий в трещинах кирпич и вместе с прилипшим к нему столетним цементом запустил в Децла.

Кирпич летел грубо, но прямо. Не дрожал и не переворачивался в воздухе.

Децл еле успел увернуться, но краешек плотной смеси резанул щёку. Кровь брызнула на тротуар, и Старший озверел: его лицо покраснело, глаза выпучились и налились кровью. Он, словно оборотень, больше не контролировал инстинкты. Децл отправился за упавшим кирпичом, но в это время Юрка выпрыгнул на тротуар и побежал прочь. Децл – за ним.

Кактус хотел жить, а потому бежал зигзагами, то и дело оглядываясь.

– Я тя убью, слышь?! – орал Децл вслед, а потом отправил кирпич в голову беглеца. Не зря Юрка оглядывался! Чудом увернулся – тут же раздался звон разбитого стекла.

Децл поспешил скрыться с места преступления.

Из магазина выскочил пожилой, но крепкий мужчина и мёртвой хваткой вцепился в локоть Юрки.

– Ты заплатишь за окно! – заорал мужчина. – Пошли-ка со мной! Родителям позвоню! В милицию позвоню!

Магазин, как оказалось, был тем самым книжным, который располагался в подвале двухэтажки. Посетителей внутри не было. Наверное, Децл всех распугал на улице. Или просто потому что это книжный, а не гастроном.

– Заплатишь, как пить дать заплатишь, – повторял мужчина, проталкивая Юрку в дверной проём. Внутри испуганная девчонка-пэтэушница робко жалась у кассы, по-овечьи глядя на преступника-рецидивиста.

– Родителям можете не звонить – я с детдома, – гордо объявил Юрка. Некоторых такое признание приводило к беспредельному чувству жалости и всепрощения (на что мальчуган и надеялся), иных заставляло бояться неведомой разгульной силы: девочка-кассирша залезла под стол, чтобы беспризорник не запомнил её лица.

А дядька этот, видно, директор магазина или владелец. Хотя в случае книжного директор и владелец должен быть

одним и тем же лицом, несчастным филантропом, разбазаривающим состояние в надежде, что люди полюбят читать.

– Да это не я, дядь, ну честно же не я.

– Дядь! – хмыкнул хозяин магазина. – Я тебе не дядь, пацан. Можешь звать Михаилом Ивановичем. Игры у нас с тобой начнутся долгие, потому как знаю вашу братию: если вас к суду призвать, так вы по-новому куролесить начнёте и мне второе окно выбьете, а то и магазин подожжёте. Он, конечно, застрахован, но зачем мне лишние проблемы?

Они прошли сквозь ещё одну дверь – в каморку, с двух сторон огороженную высокими, до потолка, книжными шкафами. Между ними над дверью висела перегородка из гипсокартона, оклеенная обоями с рисунком в виде кирпичной кладки. В каморке не было окон, но горела лампа под махровым абажуром и ещё одна, настольная. Они светили жёлтым светом, как и везде. Но здесь, внутри запертой комнатухи, стены которой являлись книжными стеллажами, этот жёлтый свет сверху и посередине комнаты создавал невыразимо таинственную атмосферу вселенского заговора: директор магазина легко мог открыть третью стену, которая могла тоже оказаться частью шкафа – дверью в Нарнию («Лев, колдунья и платяной шкаф» – любимая сказка Юрки с тех пор, как он наткнулся на неё в библиотеке).

– Вы всё правильно говорите, Михаил Иванович. Если сейчас мы на Децла заявку напишем, вас в покое не оставят.

– На какого ещё Децла? – Директор-хозяин сел за одно-

местную школьную парту, на которой и стоял светильник. Ещё там лежала стопка фолиантов с тканевой обложкой и стояли деревянные фигурки.

– На того, кто стекло вам разбил.

И Юрка пересказал свою историю. Почему-то хозяин книжного вызывал доверие. Ну ещё бы! Он же посвятил жизнь книгам, а Юрка так их любил.

– Получается, ты здесь вроде как случайно? И, говоришь, себя ощущаешь, словно ты живёшь не в том месте и не в то время?

– Ну, я б так красиво не сказал никогда, но примерно так, а вы бы...

– А если б тебе предложили навсегда покинуть наш мир и оказаться в другом, ты бы согласился?

С первого взгляда Юрка ни за что бы не подумал, будто директор книжного магазина мог оказаться шизиком. Что он такое несёт? Ему надо думать, кто за стекло платить станет, а этот чудака про иные миры расписывает. Наверное, с книгами тоже надо меру знать, иначе вот так застрянешь в городе, которого нет.

– Я бы предложил тому, кто мне это предложил бы, воспользоваться услугами вырезвителя.

Михаил Иванович усмехнулся и покачал головой. А над его головой висели часы в виде робота.

– Знаешь, Юр, всё в мире неслучайно. И ты ко мне попал тоже не просто так. Но ты этого пока не понимаешь, а пото-

му давай попросимся добрыми друзьями. Хочешь – возьми себе на память любую книгу из магазина. А насчёт Децла – так я думаю на него всё же заяву накатать...

– Дело ваше, – обрадовался сначала Юрка, услышав о возможности подарка, который детдомовцы не отнимут, и о наказании обидчика.

Потом же он всё здраво взвесил и выразил протест:

– Не надо заявы на Децла. Вы ж понимаете, что тогда и вам достанется, и мне. Книжный жалко, ну а меня – меня бить будут, пока ночная воспитательница телик смотрит на первом этаже.

– Если будут – терпи. Просто ты помни, что тебя бьют не за преступление, а за то, что ты идёшь против. Это ж извечная война, друг мой, – менторским тоном вещал Михаил Иванович. – Люди – те же животные. Просто у некоторых есть склонность к глупостям. Или склонности ко злу. Таких дрессировать надо: показывать, что за зло ты в ответ получишь зло. А если за зло они в ответ будут получать власть над стадом – это приведёт к катастрофе. Зло нас так же дрессирует, но мы вытерпим. За идею...

– Я ведь так и сделал сегодня. Хоть я не хотел. Не знаю, что случилось, но перед глазами словно кровавая завеса возникла, и я...

– Потому ты и оказался здесь, – продолжал намекать на какие-то линии судьбы хозяин магазина. – Потому-то мы и снова встретимся...

Юрке в тот момент Михаил Иванович представлялся кем-то вроде старого профессора, который знает о Нарнии, но хитрит и увиливает от прямого ответа.

Только Нарния – это сказка, а Юрка уже не малыш, чтобы в них верить.

Ненужная Машка

У Машки на брелочке было два ключа: один от общей двери, а второй от квартиры. Подъездная дверь не запиралась, но от тяжести отворялась с трудом. Лифт в доме имелся, но работал редко, да и боялась она его: один раз увидела по телику фильм, где герои застряли в кабинке, у них вырубил электричество, и они стали думать, что останутся там навечно. Может, впрочем, в фильме всё было и по-другому, но в Машкиных страхах происходило именно так.

Бодренько взбежала на шестой этаж, открыла общую дверь, включила свет в «коридорчике», как она называла отделённую дверью часть подъезда, объединяющую их квартиру с соседской. Кто-то пел у дяди Миши – наверное, его брат-гармонист в гости зашёл. Дома же было тихо. Неужели родители снова куда-то ушли?

Стараясь не шуметь, Машка повернула ключ в замке и толкнула дверь.

Нет, кто-то дома. На кухне свет.

Она тихо зашла и стала снимать верхнюю одежду, чтобы потом так же тихо юркнуть в зал.

– Маш, это ты, что ль? Привет. Как дела в школе? Что-то вы сегодня долго... – Мама вышла из кухни и поспешила обнять дочь. От мамы пахло сладкими духами и тёплой едой. – Ты ужинать будешь?

– Угу, – буркнула Маша.

– Ну, я тебе принесу в зал. Ты отдыхай теперь. Опять новый учебный год. Помню-помню, как это тяжело... Ничего, Маш, переживёшь как-нибудь. Все через это проходят.

– Папа на работе?

– Да, Солнышко, – бросила на ходу мама, отправляясь на кухню.

Машка бросила рюкзак в угол прихожей, не переживая о том, какие учебники и тетради понадобятся завтра. Сняв туфли и верхнюю одежду, прошмыгнула в зал, услышав по пути мамины слова для подружек: «У Машки важный день. Снова в школу. Мы столько купили учебников и тетрадей этих дорогущих – в них прям делать домашку надо. Но нам и не жалко! Знали бы, какая она у меня умница. Учителя просто её недооценивают – они же сами были троечники. Нет, ну правда, чего вы ржёте? А кто ещё пойдёт работать за три тысячи в месяц? Жизнь не задалась – вот и отрываются на детях».

Подобные слова Машка слышала почти ежедневно, потому не обращала на них внимания уже давно. Пускай мама продолжает жить в своём мире – ей же не объяснить. Взрослые – они как статуи – кто в какой позе застыл, так и живёт. Попробуй их поменять – только разобьёшь. Маму разбивать ей не хотелось, да и удобно было, что та винит во всём учителей.

Машка прыгнула на заветный диван, не снимая школьной

формы. Нырнула, как в бассейн, а после прыжка схватила пульт с тумбочки.

Всё. Жизнь удалась.

Здравствуй, телик!

Впрочем, телик и не прощался. Он с утра был включенным. Выключался он только тогда, когда все-все-все покидали жилище. Он вещал и показывал вне зависимости от того, смотрит его кто-то или нет. Телевизор был четвёртым членом семьи, всезнающим и интересным.

Родители никогда не покупали программу передач (а она была такой классной, пахла печатной бумагой и предвещением клёвых фильмов), поэтому приходилось листать каналы в поисках чего-нибудь, заслуживающего внимания.

В девять почти везде показывали новости, потому надо успеть насладиться каким-нибудь классным шоу или фильмом. По «ОРТ» шла комедия про жандармов – один видлысого Луи де Фюнеса в полицейской шапочке наводил на Машку тоску. «РТР» предлагал ей эстрадный концерт – захотелось даже лечь спать пораньше. А вот по «6-ому каналу» шёл зарубежный сериал – годно к просмотру.

– Доча, я принесла ужин! – В голосе мамы сквозили радостные нотки, словно она освободилась от камешка в обуви. – Поешь, и тарелку в мойку кинь. Мы с девчонками немного прогуляемся – ты нас не жди. Ложись спать. Папа только утром вернётся. Телевизор выключить не забудь – лишнее облучение вредно! Ну всё, спокойной ночи! Дай я тебя поцелую. До завтра, милая. Школу не просп.

Теперь Машке стало понятно, кто был тем самым пресловутым камешком.

Это мама ещё при подруженьках такая добрая, заботливая и хозяйственная.

В телевизоре семья американцев тем временем весело проводила время. Они словно подтверждали любимые папины слова: «тупые американские фильмы». Вся суть сери-

ала в том, что члены семьи, будучи непроходимыми идиотами, вечно недопонимали друг друга, совершали безумные поступки и потом избегали последствий.

Но это было весело, что ли.

Да, они кретины, но они, тем не менее, семья: всегда вместе, вечно куда-то ходят, что-то празднуют, заботятся и думают друг о друге.

Машкины вот родители не были тупицами: молодые и энергичные люди.

Почему же семьи-то нет? Сколько фильмов ни смотри, а такого, как у неё, не встретишь. Даже в «Один дома»!

Для Кевина Маккалестера это было приключением, а для Машки – буднями.

«Если хочешь попробовать начать новую жизнь, приходи сюда завтра».

Машка поняла, что хочет этого. Хочет! Пускай её заберут шпионы и увезут жить в семью тупиц. Хоть кто-то да обратит на неё внимание.

Но скорее всего записка от сектантов. Мама рассказывала про свидетелей Иеговы и кришнаитов, которые ходят по домам и вербуют в ряды подданных, слабых умом и нетвёрдых в вере. Сама мама и тем более папа в церкви не были лет десять, но, видимо, считали себя убеждёнными православными.

– Пап, а чем отличаются мужчины от женщин?

– Одни работают, а другие – женщины.

После этой шутки раздался смех невидимой аудитории. Им смешно, а для Машки это будни.

«Если попробовать жизнь хочешь, приходи завтра».

Можно прийти хотя бы посмотреть, кто там будет. Если что, убежит. Город-то рядом – это ж не овраг и не гаражи. Там всё как на ладони. Красть её вряд ли кто осмелится. А захотели б, так давно б украли.

– Пап, а когда ты закончишь работать?

– Когда закончатся все деньги.

Машка так и не поняла, что её реальность медленно переходила в сон. Квартира меняла очертания, голоса американской семейки ещё доносились откуда-то, словно сквозь толстую стену, пока не пропали окончательно. Шумел лишь прибой. Волны накатывались и растекались по песчаному пляжу, насколько хватало их сил. Вокруг ни души.

Машка прыгала на золотом песке от радости. Она одна! Она отдыхает!

Машка зарылась в песок, разбрызгивая его вокруг. Даже на глубине он не был мокрым, а просачивался сквозь пальцы и согревал. Она нырнула в него, как Скрудж Макдак в золото – и получилось! Едва не захлебнувшись, вынырнула на поверхность, отряхнулась и побежала в лазурное море. Оно оказалось тёплым, словно привычная ванна после маминого купания. Только без пены, да и вода хрустально чистая.

Это была мечта. Чудо, о котором её одноклассницы и думать не могли.

«Попробовать хочешь, приходи завтра».

Она хотела попробовать.

Юрка Кактус

Конечно, первым желанием Юрки было не возвращаться в детдом никогда.

Но стать беглецом, ночевать в подвалах и брошенных домах, зимой замерзать и вечно искать в мусорных контейнерах просроченные продукты – это куда хуже побоев и унижения. Хотя кто сказал, что на улице всё обойдётся без них?

Да и Старшие делились опытом побегов. Быстро находят беглецов – у ментов свои уши и глаза везде по городу, а за городом так и ловить нечего, кроме рыбы. Ляг и помри хоть вдоль дороги.

Михаил Иванович предлагал, правда, в другие миры убежать, но это дичь какая-то, если честно. Нет, он, конечно, книжного директор, уважаемый в народе человек, видный. Но, наверное, сумасшедший или масон...

А может, он так в книжный звал подработать? Здравая мысль?! Как сразу-то в голову не пришло! Спал бы Юрка себе в комнатухе из книжных шкафов вместо стен, помогал бы книги сортировать и ценники б подписывал, а вечерами уходил в иные миры – бери любую с полки и зачитывайся.

Переспросить надо будет на днях, что тот имел в виду. В книжный уйти – это классная идея со всех сторон.

В свою комнату Юрка прошёл, как ни странно, без проблем. На него никто не обратил внимания, так как в коридо-

ре стояли два мента и допрашивали Децла, воспитателей и директора. Юрка незаметно пробежал от двери к запасной лестнице и поднялся на второй этаж. Как-нибудь без него на допросах обойдутся.

Уснул он быстро.

Одеяло накрыло его вместе с приливной волной. Мальчишка, захлёбываясь, стал отхаркиваться. Вынырнул из воды и пошёл к берегу. Рокот надвигающегося прибоя заставил ускориться, несмотря на боль в носу – видимо, от солёной воды. Подросток обернулся: огромная волна с пятиэтажку шла пока ещё вдалеке, но её скорость...

И Юрка побежал что есть мочи. Шлёпал по воде, достигающей до живота, ладонями, словно вёслами, отправляющими его бесценный «корабль» к спасению. Далёкий берег острова был отчётливо виден, но, как ни старался мальчуган, ближе суша не становилась. Как будто бежал под водой по беговой дорожке в качалке, куда ходили Старшие дважды в неделю и как-то пару раз брали с собой – на экскурсию.

Волна-пятиэтажка громом гремела за спиной. Юрка мчал к острову, весь вспотевший и мокрый от брызг. Неужели конец? Упасть, поддаться волнам – и сгинуть в безграничности океана унесённым в бездну.

Нет! Он будет бежать, несмотря ни на что! Его мама и папа смотрят, наверное, сверху и верят, что он не сдастся.

Но волна!

Шум стал громче, уши заложило – и она обрушилась на

безвольное тело, потащив за собой.

Всё! Конец! Коне-е-е-ец!

– Коне-ец тебе, стукачок! – прорвалось нечто из страшного мира сквозь сознание.

Юрка открыл глаза и понял, что его куда-то везут за ноги, и это не волна, а двое Старших. Попытался брыкаться, ещё не вырвавшись окончательно из плена сна, но кастет возле кадыка заставил прекратить отчаянные попытки.

– Тише, Кактусёнок, – прошептал голос Децла. – Сядь – суд идёт!

Раздались сухие смешки, и Юрку усадили на стул в углу комнаты. Руки привязали к спинке, ноги – к ножкам.

Фигур в тёмной комнате Юрка разглядел три. Сердце бешено колотилось. Никогда ещё над ним не устраивали суд – не зря ведь получил прозвище Кактус: приживался в любых условиях. Что же пошло не так? То ли надоело мириться, то ли безнадёга заела...

– Уважаемый суд, я обвиняю Кактуса в неподчинении. В ответ на приказ пойти на разборку обвиняемый струсил и пошёл *по своим* делам, – как по-писаному проговорил Децл, не в первый раз изображающий систему правосудия над овцами.

– Виновен! – прошептал местный судья, тощий упырь, усевшийся на подоконник. Гусь, наверное. Тот разобрался в технике, мог починить магнитофон и колонки, а потому состоял в почёте у Старших как необходимый умник.

– Защите добавить нечего, – сонно заявил играющий адвоката верзила, прислонившийся спиной к кровати Попугая, мирно посапывающего или делающего вид, что спит.

– А также я обвиняю Кактуса в нанесении тяжкого увечья. Он первым напал на меня прямо на улице – швырнул в лицо кирпич, хотя я всего лишь взывал к правосудию!

– Виновен! – равнодушно огласил приговор судья, и тут Юрка не выдержал наглой лжи:

– Ты ж меня первым ударил!

– Молчать!

– Я не подписывался на ваши правила! Вы воруете и дерётесь, чтобы доказать, будто не воровали! Почему я должен вас поддерживать? Я не с вами. Вы мне не указ!

Децл влепил пощёчину беззащитному подсудимому. Юрка сморщился, но стерпел и не закричал от боли.

– Не ори, козёл!

– Подсудимому слова не давали, – с горькой усмешкой отрапортовал судья на подоконнике. – Защите есть что сказать?

– Только то, что подзащитный лох, каких свет не видывал лет двести.

– Хорошо сказано. Потерпевший продолжайте.

Децл подошёл вплотную к Юрке, будто собираясь плюнуть ему в лицо.

– И третье обвинение. Подсудимый, как последний мусор, сдал меня в магазине жирдяю хозяину. Слился, собака, затрясся, когда его повели на допрос, и пацанов из родного дома выдал. Требую от судьи повесить Кактуса, чтоб неповадно было остальным. Нечего кактусы в детдоме плодить – чужие они, не наши, не русские.

Повисло гробовое молчание. У Юрки озноб по телу пошёл. В самом деле повесят? Вроде бы до такого ещё не доходило, по слухам от других пацанов, но ведь всё когда-то бывает впервые. Неужели его случай станет роковым, о котором Старшие в назидание потом станут рассказывать? Вот так и погибнуть легендой? То, на что Михаил Иванович подбадривал? Жизнь отдать ради идеи...

– Децл, да ты чё? Айда как обычно ремнём по ушам, по

пальцам и... – Гусь проявил слабинку – зря он так. Даже Юрка это понял. И слышал, как за спиной главный обвинитель подошёл к судье и крепким ударом по плечу скинул его с подоконника. И плюхнулся Гусь на холодный пол.

– Ещё раз ты мне чё-то скажешь против – сам окажешься на этом стуле!.. – Децл встал на Гусиную шею пяткой, представляя возможность понюхать носок.

Гусь заскулил. Орать от боли во время ночных разборок было не комильфо.

– Судья предлагает вместо повешения удары плетью. Ты рад, подсудимый?

– Внезапная радость, как и скорбь, ума лишает, – ответил Юрка, которому вдруг, несмотря на страх за свою судьбу, стал смешон этот спектакль. Фарс отморожков. Они даже сыграть нормально не могут. Уроды! Им бы в цирке только выступать.

– Чего? Угораешь, что ли? Тебе жизнь предложили, а ты ржёшь! Так вот тебе чё, а не помилование! – Децл приложил левую ладонь на правую руку, из кулака которой твёрдо торчал средний палец. – Рыжий, верёвка где?

– Вот верёвка. – Перед глазами Юрки возник скрученный обрезок каната. – А куда мы её прицепим-то? Плафон не выдержит, гардина тоже. Может...

Неизвестно, что хотел предложить Рыжий, но по лестнице раздались уверенные и громкие шаги. Ночной воспитатель в детдоме должен быть настоящим ниндзя, чтобы застать врас-

плох тех, кто не спит, курит или в карты играет. Антонина Ивановна, конечно, ниндзя не была и даже про них не слышала, зато её все слышали хорошо, когда выключался телевизор и чёрт её отправлял наверх (по крайней мере, все детдомовцы в этом были суеверно убеждены). Свет тут же выключался, сигареты отправлялись напрямиком в раскрытое окно, карты прятали под подушки.

А вот сегодня, к несчастью, был суд...

Децл бросился развязывать Юрку, Гусь рванул к своей кровати, Рыжий спрятал под матрас верёвку.

Шаги становились громче, а узел, созданный могучим верзилой, не поддавался.

В последний миг Децл бросил начатое и тоже побежал делать вид, будто спит. Его точно никто не сдаст.

Кроме разве что приговорённого к повешению...

А что терять висельнику?

Конечно, он всех выдаст с потрохами. Вот только знал Децл нрав Сычихи: она проблем не любит. Скажет, что пожалуется воспитательнице и директору – и всё на этом! И останется стукач ни с чем, снова один в темноте...

– Так это что тут такое?! – заорала, оглядев второй этаж, Сычиха, заметившая привязанного к стулу возле окна мальчишку. Тут же включила свет. Детдомовцы стали возмущаться, кутаться с головой под одеяла, а самые любопытные осматривались, чтобы понять, что же это «тут такое».

Перед глазами Сычихи и пятерых мальчишек, среди кото-

рых оказался и проворный Децл, предстал смиренно сидевший связанный Юрка с посиневшим от апперкота, полученного возле книжного, носом.

– Что тут происходило, Юр? Говори быстро, иначе завтра пойдём к директору на дознание!

Юрка поймал устрашающий взгляд Децла. Вспомнил он и слова Михаила Ивановича. Вот только не жил хозяин книжного в детдоме, не приходилось ему становиться изгоем просто из-за того, что сдал преступника. Здесь не правда правила балом, а сила. Здесь и сами боги стояли не на стороне правды, а на той, которая им платит и что-то требует. Правды она не требовала, поэтому весь беспредел надо просто не замечать или чем-то ОПРАВДывать.

– Ничего не происходило, – злобно буркнул Кактус. – Мы играли в индейцев, а я заснул. Ребята забыли, что я в плену – пошли спать после отбоя.

– И кто же эти ребята, интересно? – прошипела Сычиха, явно не доверяя словам Юрки. Но ей было всё равно, что сделали с Юркой и что сделают потом – её бесил сам факт: детдомовец нагло врёт ей в лицо, скрывает истину, и она здесь бессильна.

– Витёк и Вовка, – назвал он имена Гуся и Попугая.

Если названы, то пришлось им явиться перед лицом начальства и отчитаться. Они шли, опустив глаза, и, лишь мельком поймав одобряющий взгляд Децла, поняли, что надо говорить.

– Да, мы забыли его развязать.

– Потому что закончили играть ещё до отбоя, а...

– А этот растяпа удрыхся.

– Уснул, – поправила воспитательница, довольная тем, что проблема разрешилась сама собой, Юрка не лгал и не надо теперь ни директору докладывать, ни милицию вызывать. Последнее уж было крайней мерой – если б только увечья Юрке нанесли. А синяк, да ещё не свежий, – дело житейское. – Ладно, всем спать! Пленника кавказского развяжите только. Денис, ты самый старший, так давай руководи тут, а я если что внизу буду.

Децл угодливо верёвки с Юрки снял и даже до кровати недотёпу проводил.

Напоследок хитро посмотрел.

Юрке стало стыдно за своё малодушие, но, благодаря чуду (ночной воспитатель неожиданно без шума и гама проверяет детдомовцев в свою смену – воистину чудо!), он остался жив.

Сколько ж ещё терпеть этого тирана, если он заметил, что ты не хочешь мириться с его законами?

Об этом бы серьёзно подумать, но Юрка стал проваливаться в сон после всех суровых испытаний безумного дня обычного сентября. Очередного детдомовского сентября... Неужели они когда-нибудь закончатся? И как этот же день превратятся в сон.

Юрка надеялся, что в новом сне не станет больше тонуть.

Ненужная Машка

Прийти туда завтра Машка могла в любое время – на школу, по большому счёту, наплевать. Но автор записки, наверное, хотел, чтобы она пришла примерно так же. Ближе к закату.

Уроки закончились позже, чем вчерашний День знаний, так что прогуливаться с Гришаней и слоняться по городу в одиночестве не было времени, тем более моросил противный осенний дождь.

Она прямиком поспешила к вышке.

Неужели там, под дождём, кто-то ждёт её, какую-то девочку с какого-то седьмого класса какой-то средней школы какого-то промышленного города в средней полосе России?

Однако всё на той же скамейке сидела та же женщина с коляской.

«Она больная на всю голову? – подумала девочка, подходя ближе. – Или из дома муж выгнал?»

И вдруг вспомнила, кто передал ей ту самую записку, якобы просто вылетевшую из кармана. Но в карманах Машки не могло быть ничего – значит, женщина всё придумала! Значит, женщина и есть та чокнутая, которая собирает детей для тайных целей. По-любому, сектантка!

Страх отступил, а на его место пришло разочарование. Как всё же вышло банально и глупо... Неужели ей самое место с ними вот, мокнущими под дождём ради светлых идей, доказательств которым нет?

– Это вы написали, да? – Машка не боялась незнакомок. Она привыкла разговаривать и с наглыми продавщицами, обманувшими со сдачей, и с крикливыми кондукторами, требующими выйти безбилетнице.

Женщина подняла голову от коляски и посмотрела на девочку. Перед нею стоял подросток с русыми волосами, слипшимися от дождя. На девочке незастёгнутая куртка из дермантина, губы перемазаны дешёвой, но яркой помадой. Женщина протянула ей зонтик, но та замотала головой, разбрызгивая капли с непокрытой головы.

– Я... Так, значит, ты хочешь всё поменять?

– Хочу. Но мне неинтересны ваши Иеговы и Кришны, ясно? Я хочу жить вдали от всех этих людей, подальше! Хочу на необитаемый остров!

– Тогда я точно была права! – От восторга женщина захлопала в ладоши, и зонтик вылетел из рук, покотившись по мокрой глине, ломая спицы, перекручиваемые ветром и ударами о землю. – Тыходишь. Ты точноходишь!

Казалось, ей наплевать и на зонтик, и на ребёнка в коляске, затапливаемой ливнем.

– Вы чокнутая! Ясно?! – заорала на неё Машка и побежала

прочь, домой. Никогда больше не вернётся она сюда. Найдёт другую вышку. Наберёт новую коллекцию стикеров «Элен и ребята», пусть даже ей придётся обменивать их за деньги на обед. Это же место потеряно навечно – здесь поселилась Баба-Яга. Так Машка называла беспросветных тупиц, которые не понимают разумных доводов и гнут свою линию. Как учительница литературы Жанна Денисовна: спорить с ней бесполезно – у неё словно внутри спрятана непробиваемая броня, защищающая непогрешимый план урока.

– Маша, твоё место не здесь! – кричала ей вслед сумасшедшая. – Если я права, то мы ещё встретимся.

«Нет, мы точно не встретимся!» – злая на себя, на дождь, на чудачку и на унылую серость бытия, Машка утвердилась в своём решении никогда сюда не возвращаться.

Юрка Кактус

И снова белый с блестящей голубизной потолок...

Сегодня Юрка проснулся даже раньше обычного. Во-первых, нос будто бы ныл и просил о помощи. Во-вторых, страшно же: вдруг Децл новый план мести придумает. То, что Юрка не сдал обидчиков, ничего не значило. Это в детдоме в ходе вещей, как чистить зубы и умываться по утрам. Иначе никто с тобой общаться не станет. В-третьих, тревожное ощущение серьёзных перемен заставляло переворачиваться с боку на бок в доводящей до судорог тревоге.

– Подъём! – крик воспитательницы давал понять, что твоё утро закончилось и начиналось общее.

Неужели где-то там, за забором детского дома, какой-нибудь мальчишка одиннадцати лет может думать, что самое страшное в жизни – получить двойку за невыполненную домашку?

Сегодня диафильмов на потолке не было – серьёзные поломки в проекторе. Перед глазами тараном давящей массы свисала покрытая эмалью бетонная плита.

Тревога и страх оборвали крылья фантазии. Без этих крыльев к горлу подступала тошнота.

– Подъём! – Юрка получил узлом полотенца по глазам. Так и надо. Пора привыкать к побоям – как ещё тут выжить?

Стать Гусём или Попугаем...

Ну уж нет! Юрке не хотелось превращаться в животное, точнее в тварь. Когда он был растением, его не трогали и можно было мирно существовать, питаться солнечным светом и благодатью. Но хищники укололись об его колючки и теперь хотят выдрать из земли.

Надо держаться, качаться и укреплять почву.

Или бежать.

Что там предлагал Михаил Иванович? Может, оно того стоит?

Юрка не стал дожидаться следующего удара – слез с кровати и пошёл умываться. Рядом чистил зубы Попугай. Как же хотелось пнуть его со всей дури, но комом с горы покажутся разбирательства, жалобы, каблуки... Втихаря надо это сделать, а не здесь, не при всех.

– Юрок, – как ни в чём не бывало начал вещать Попугай, словно радио Старших, – сегодня Децл для тебя на хате публичное примирение устраивает. Он сказал, что ты держался молодцом и пацанов не выдал. Короче, после школы иди на Ленина 34, квартира 5. Там ребята ждать будут. Я снова тебе советую прийти. Куда лучше, если ты с ними нормально закорифанишься.

– Ага, и буду я подошвой типо тебя, да?

– Ну а ты что хочешь? Мы пока не старшаки. Какой у нас выбор? Лучше так, чем огребать каждую ночь. Или тебе спать не охота?

– Я их ненавижу. Пусть лучше бьют! – Откуда-то взялась

и ярость, и уверенность в правоте. Наверное, перед более слабым легче её показать...

Попугай пожал плечами, мол, ну адрес я тебе дал, и продолжил безучастно намазывать «Жемчуг» на жёлтые зубы.

По дороге в школу, на уроках и переменах Юрку мучил один и тот же вопрос: идти или не идти?

Вроде бы ничего страшного не должно там случиться, ведь это не стрелка и не воровство. Посиделки на хате у местных – обычное дело не только для Старших. Ты словно попадаешь в другой мир – настоящую квартиру, проникаешь в жизнь чужой семьи, в будни того, кто тебя пригласил. Того самого счастливого Миши или Димы.

Хотели бы снова повесить – так кто им мешал сделать это ночью?

Нет, это примирение. Но на каких условиях? Юрка не желал там появляться из-за этих пресловутых условий. Страх подчиниться страху, лживым улыбкам Старших, обещаниям поддержки – и тебя заставят идти на поводу.

Тогда зачем идти, если лучше остаться?

– Ларионов, я тебя спрашиваю! – Голос учительницы математики заставлял, казалось, сами окна звенеть, но Юрку только сейчас вывел из оцепенения. – Где домашнее задание?

Она нависала над его партой, последней в третьем ряду, за которой он сидел в одиночестве.

– Забыл, простите.

– Два! – прокричала математичка. – И родите... И я напишу докладную на тебя! Стыдно, что с таким умом...

А дальше Юрка снова отключился. С таким умом он хотел пойти на примирение с Децлом – это куда важнее. И, наверное, правильнее. Испытания лишь закаляют характер, так что лучше сходить, чем прятаться и жить вечно в страхе. Лучше сказать прямо, что он не будет никогда их посыльным, дворецким, доносчиком или бойцом.

Так Юрка и оказался сентябрьским днём на улице Ленина в поисках дома №34. Подлинная артерия города, она пролегала почти по всей площади, потому начало улицы терялось где-то в частных домах, тропинках, ведущих в овраг, и небольших, в полквартала, скверах. Тридцать четвёртый дом заприметил сразу – единственная двухэтажка, огороженная заборчиком из тонких крашеных досок высотой со взрослого человека. Железная калитка провела во двор, асфальтированный задолго до рождения Юрки – от асфальта осталась лишь галька и пыль. Посмотрел направо: возле дома располагался пышный палисадник. Подняв глаза выше, Юрка заметил в окне второго этажа ухмыляющуюся физиономию Децла. Тот махал ладошкой и указывал на единственную подъездную дверь.

Что же означала его улыбка? Издевательство или торжество?

Если последнее, то Юрке даже страшно подумать, отчего это Децл радовался.

Дверь подъезда отворена настежь, да и толку от неё никакого не было: в нижней части деревянной створки пробитый ногой фанерный квадрат, от замка зияет лишь отверстие, стекло наверху заменено на полиэтиленовый пакет.

Внутри подъезд расписан по стенам углём, процарапанные по штукатурке гвоздём надписи гласили: «Димка ушёл в армию», «Светка плюс Сашка равно любовь», «Мы ждём перемен». Юрка осторожно поднялся на второй этаж, вдыхая запах свободы и жжёных спичек. На подоконнике меж этажами стояла пепельница и пустая стеклянная бутылка.

– Заходи сюда, братишка, – почему-то шёпотом позвал Децл из приоткрывшейся двери.

Юрка поднялся, зашёл в квартиру, снял обувь и осмотрелся. Неужели вот так можно запросто прийти сюда после школы и заниматься тем, чем хочешь? Длинный узкий коридор вёл к главной комнате – залу, но по пути можно посетить кухню и ещё две маленькие, комнаты, двери куда были закрыты. Децл манил его в зал. Наверное, в комнатах сидели родители его знакомого – и те не любили, когда гости шумят.

Зал совершенно не походил на общую спальню в детдоме: заставлен по периметру стеллажами, техникой, коврами, диваном и креслами. Всё казалось мягким и тёплым, даже люстра с прозрачными хрусталиками и жёлтым светом. И вроде свет тот же, но здесь он создавал уют, а не дух сумасшествия.

Возле шкафа, внутри которого помещался телевизор, си-

дели Гусь с Рыжим и играли в приставку. Юрка краем уха слышал про новомодное чудо техники, но ни разу не видел. И теперь стоял как заворожённый: прямо в телевизоре бегали два смешных хомячка в человеческой одежде, кидались ящиками и прыгали по трубам, а управляли ими Гусь с Рыжим. Они сами нажимали на кнопки, и хомяки подчинялись им. То есть как бы Гусь с Рыжим сейчас были не здесь, а по ту сторону экрана. Возникло спонтанное желание, чтобы железные собаки скорее сжевали их огромными челюстями.

– Знаешь, Кактус, а мы ведь неправильно начали знакомство, – приступил к вербовке Децл. – Я почему-то сразу злой на тебя был. Говорили пацаны, мол, ты стукач и мазунчик. Вчера ночью ты доказал, что первое не совсем правда. А остальное? Я предлагаю тебе мир. Ты не против?

– Кто же против мира? Вот только я и раньше жил в мире.

– Стоп-стоп, не гони лошадок. Понимаешь ведь, что в детдоме свои правила: ты слушаешь Старших, учишься, потом сам становишься Старшим и так же учишь других. Это круговорот. Чего ж ты брыкаешься? – Децл говорил, словно гопник Иисус: так слащаво, образно, но подгоняя под свою схему.

– Понимаешь, Денис, я же не такой, как вы. Я не хочу воровать и бить стёкла магазинов. И я не стану учить этому других, – пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы сказать это не Попугаю, а самому Децлу, сказать в лицо злу, что он зло. Губы дрожали, голос ломался, и Юрка надеялся, что он

не выглядит так же жалко, как себя ощущал в тот миг.

– Ну... поживём – увидим, – протянул Децл, хлопнул по плечу и быстро убрал руку. – Сегодня я добрый и не стану спорить. Пускай тебя научит жизнь, а потом мы и по этой теме пообщаемся, когда ты придёшь ко мне за помощью. Когда сильно припрёт, и ты поймёшь, что воспитатели и менты ничего для тебя сделать не смогут. Знай, что я-то смогу.

У Юрки камешек свалился из сердца куда-то в пятки. И это всё? И нет угроз, давления? Где же боль?

– В «Денди»-то играл хоть раз в жизни? – с довольной усмешкой выдавшего вида бати спросил вдруг Децл.

– Не-а, – ответил не менее довольный Юрка.

– Ну так, шпана, пошли прочь отсель! Щас мы с Кактусом тут жару дадим. «Контру» ставьте!

Гусь с Рыжим нажали на кнопку, вытащили катридж и сунули в разъем другой, валявшийся рядом на ковре. В телике появились два качка, держащие по огромному автомату в руках, а на заднем плане виднелась целая планета. Аж дух захватывало, куда он сейчас отправится!

И вот они с Децлом где-то в джунглях. Неумело нажимая на кнопки, Юрка позволил с первых же секунд себя убить, а боец его старшего товарища нырнул в воду и там укрывался от вражеских пуль, изредка выныривая, чтобы отстреливаться. Персонаж Юрки вернулся с неба – не прошло и секунды. Разобравшись, где бежать, прыгать и стрелять, мальчишка с азартом вошёл в игру. Пальцы, непривычные к джойстику,

ещё не запомнили кнопки настолько, чтобы действовать механически. Сбили его героя ещё до моста: какой-то охотник из кустов винтовкой вынес управляемого солдата. Децл лишь фыркнул – его боец цел-целёхонек плыл по речке и лупил очередью по врагам. Третью – последнюю – жизнь отняли почти сразу: сбили снизу из пушки, которую не успел вырубить напарник.

– С тобой пока каши не сваришь, – протянул Децл, доставая из пенопластового контейнера чёрный пистолет. – Тренироваться тебе надо. На вот постреляй в уток – клёвая игра для начинающих. А я покурю пока схожу во двор.

На экране появились кусты и синее небо. Через секунду в небо взлетела утка. Юрка прицелился – что-то кляцнуло в телевизоре, утка крякнула и упала, а из кустов вылезла довольная собака с мёртвой дичью в правой лапе.

– Ничё себе! Даже так можно! Балдёж! – Юрка был счастлив, как никогда. Не такой уж и плохой парень этот Децл. Разве «Денди» может сравниться с диафильмами по субботам?

– Рад, что тебе нравится. Я пошёл, короче, подымлю, а ты тут на ужин нам настреляй дичи.

– Ага, – дружески ответил Юрка. Он был счастлив.

Утки вылетали, но охотник не давал им и шанса. Они стали вылетать всё быстрее и быстрее, пока наконец одна не улетела живой в небеса с противным звуком, а собака вылезла из кустов и посмеялась над хозяином.

Над хозяином...

Кстати, а где хозяин квартиры?

Краем глаза, когда заходил, Юрка видел на кухне Ярика, обнимавшего тостер. В зале сидели Гусь с Рыжим. А где же тот пацан, который пригласил их сюда?

Нехорошее предчувствие дерзко пробежало под рубашку и защекотало кожу, пробираясь к сердцу.

А куда ушли сами Гусь-то с Рыжим и почему Децл так долго курит? Всю пачку решил скурить?

Юрка бросил на пол пистолет, не заботясь больше о сме-

ощемся над ним псе. Мальчишка побежал к входной двери.
Заперта!

Но она же должна как-то отпираться изнутри – вот тут и... Юрка обнаружил, что внутренняя часть замка снята: нет ни рычага, ни ручки.

В панике он побежал открывать двери в другие комнаты в надежде найти там людей, но обнаружил лишь кровати, шифоньер, столы, тумбочки, сундуки. Тостера на кухне не было. Как видимо, не было многих других вещей в проклятой квартире, которую грабанул Децл с корешами.

Кажется, теперь стал ясен смысл его «пророческих» слов.

Юрка попался в ловушку. И дверь захлопнулась.

Интересно, знал ли об этом Попугай или он реально думал, будто помогает?

Впрочем, какая разница! Чучело б набить из Попугая! А что делать здесь и сейчас?

Краем уха где-то улавливался вой милицейских сирен.

Ну вообще здорово!

Только в тюрьму не хватало сесть! А как иначе?!

Сдать Децла, а потом ночью болтаться на верёвке?

Господи, что делать-то?!

Вой сирен всё слышнее – явно едут сюда. И ведь понятно, что вызвал ментов Децл – кто ж ещё. Хозяева или в отъезде, или на работе.

Юрка рванул обратно в зал, выбежал на балкон. Он был застеклённым, но створка легко отодвигалась – и вот шанс

сбежать. Залез на подоконник, перебрался наружу – осталось лишь спрыгнуть вниз, прямо на асфальт, рядом с которым железная труба палисадника. Ох, блин, а если покалечишься или разобьёшься в лепёшку?

К дому подъезжала милицейская машина. Если и прыгать, то не сейчас – сразу заметят и заберут полудохлого к себе. Юрка сделал шаг назад в сторону открытого окна балкона.

– А ты что тут забыл? – Громовой голос рядом с левым ухом едва не отправил Юрку вниз.

Мальчишка в страхе поднял глаза и увидел на соседнем балконе знакомого – хозяина книжного магазина.

– Михаил Иванович?! – удивился детдомовец.

– Угадал! А ты-то как здесь очутился? Что у Шпаков забыл?

– Это ловушка, дядь Миш. Децл позвал подружиться, но он подставил меня, и вот... – Юрка кивнул на подъехавшую ко двору машину с мигалкой.

– А ну лезь сюда! – Мужчина протянул могучую руку, и Юрка, по парапету пройдя до чужого балкона, смог взобраться внутрь соседской квартиры.

– Я не знаю, что вообще происходит, – поделился он, оглядывая балкон: там стояли лыжи, санки, железный сундук, старый шкаф и завёрнутый в рулон ковёр. – Я потерялся, понимаете? Не знаю, как жить... Потерялся я!

– Нет, Юр, ты теперь точно нашёлся. Или ещё не понял? Тебя же привела сюда Судьба...

Сквозь открытое окно балкона слышно было, как милиция ищет в соседней квартире вора.

– Я не хочу возвращаться в детдом, – сознался мальчик.

– Надеюсь, ты туда не вернёшься. Но всё, что я могу, это только надеяться, – загадочно проговорил Михаил Иванович и любезно пригласил гостя войти в свою квартиру сквозь балконную дверь.

Ненужная Машка

Автобус остановился возле входа в парк. Девчонки и пацаны высыпали шумной гурьбой, но их встретил суровый взгляд класснухи. Та готовилась прочитать лекцию перед тем, как все пойдут на аттракционы.

– А ты чё в старом свитере? На бомжа похожа, – заметил Артём, сын директора мебельного завода. От Артёма, во что бы он ни был одет, вечно воняло одеколоном и потом. Флегматичный и туповатый, он мог говорить что угодно, и никто ему ничего не смел предъявить в ответ. Кроме Машки.

– И чё? – огрызнулась она.

– Да ничё, в принципе-то, – пожал плечами Артём. – Ты на каких кататься будешь?

– Не знаю, – фыркнула Машка. Но она знала: ни на каких. Мама долго возмущалась: как смеет класснуха собирать деньги на платные аттракционы! И потому не заплатила за дочь ни копейки. Но в поездку с классом в выходной отправила: проход был бесплатным, а автобус – за счёт школы.

Мимо «Паровозика» и «Солнышка» прошли с шутками балбеса Сеньки, советовавшего Гришане остаться здесь до конца дня. Класснуха или не слышала, или не обратила внимания, но отличник сильно обиделся и хотел уже ответить злой тирадой, когда вдруг между ними оказалась Машка.

– Сенька, а за что ты Гришаню так? Говорят, если мальчик

девочку за бантики дёргает – значит, любит. Ты не дорос ещё до девочек, да? Тренируешься, что ли?

Сенька побагровел, и его лицо стало похоже на яркие флажки, висевшие на проволоке от одного фонаря до другого на той стороне аллеи.

– Чего? – зашипел он. – Чё ты несёшь, бомжонок? Да тебе билеты на ваш с Гришаней «Паровозик» училка на гроши зарплатные купила, потому что мать твоя, ларёчница, на обшак не скинулась и...

– Ну-ка тихо! – пришлось уже вмешаться класснухе, так как ситуация вышла за рамки глупой шутки. – Иначе Арсений подарит свои билеты Маше, потому что он говорит гадости!

Сенька замолчал. Его мама работала на заводе и зарплату получала не больше Машкиной мамы, продавщицы в ларьке. Потеря билетов грозила обернуться катастрофой. Он умолк, затаив злобу.

– Вы, правда, заплатили за меня? – чуть слышно, с трудом сдерживая слёзы, спросила Машка учительницу.

Та погладила её по русым с желтизной волосам и, глядя в детские, но такие взрослые глаза, сказала:

– Я купила тебе всего один билет на самый популярный аттракцион – «Час пик», так как все остальные ребята тоже там кататься будут. А потом можешь просто гулять по парку. Не обижайся, Маш, я хотела, чтобы и ты почувствовала себя частью класса.

– Спасибо вам, – сказала Машка, обняла учительницу и совершенно неожиданно для себя расплакалась.

На «Час пик» все пошли сразу, чтобы потом уже разбрестись кто куда. Огромный, похожий на каток, павильон без стен, на входе возле турникета плакат с изображением негра и китайца в пиджаках. Где-то за спиной послышался сдавленный смех – видимо, Сенька пошутил по поводу плаката, но, как всегда, не слишком уместно.

Маша села в жёлтую машину с двумя красными полосками на капоте. Ей объяснили, на какие кнопки нажимать и на какие педали давить, после чего раздался громкий гудок, и машина тронулась в путь по прямоугольной площади аттракциона. У Машки дух захватывало от того, что она сама управляет маленькой, но машиной. Трёхколёсный велосипед, подаренный бабушкой, давно пылился на балконе, а больше и не было у неё ничего: ни самоката, ни коньков, ни роликов.

Машка аккуратно объезжала других, следуя вежливому

поведению в час пик, пока в неё с силой не врезалась синяя машинка.

– Получил, бомжонок?! Так-то! Привыкай – в жизни больше будет, – заорал Сенька, стараясь перекрычать шум аттракциона и восторженные возгласы юных водителей.

Машке стало обидно. Больно не было – лишь неприятное ощущение в спине, – но он нарушил то очарование, ради которого класснуха потратила кровные деньги.

Девчонка отъехала влево, сделала оборот, собралась и нажала на педаль со всей силы, двигаясь по направлению к Сенькиной машине с той стороны, где и сидел водитель. На всей скорости она вмазала по ней передом – мальчишка отлетел и ударился головой о соседнюю дверцу, так как по своей мужской сути не пристёгивался в детском аттракционе.

Играла громкая музыка, раздавались визги свернувших не туда, а Сенька поднимался, держась за кровоточащее ухо. Его ладошка наполнялась тёмной вязкой жидкостью, и он пытался прижимать ею ухо к голове.

Машка выскочила из движущейся машины и, схватив Сеньку за другую руку, потащила прочь с аттракциона к выходу, где ждала класснуха.

Там начались вопли пострашнее...

Звучала волшебная музыка парка, а класснуха визжала, билетёр побежал за медиками, все машинки остановили, и дети столпились возле бедного Сеньки.

– Она! Это она сделала, гадина! Зря её допустили к лю-

дям! – Суровый приговор указательного пальца решил судьбу Машки. – Моя мама в суд подаст. Батя...

Что же сделает с ней, с её семьёй Сенькин батя, Машка не дослушала. Она побежала прочь. Снова бежала от людей. Вот только куда бежать? На вышку путь закрыт. Домой тоже нельзя: класснуха наверняка уже звонит маме, чтобы сообщить об «ужасном происшествии». Мама оторвётся на ней по полной, а в довершение всего расскажет папе. Хуже этого, наверное, ничего и представить нельзя.

Так куда же? Куда?

Где можно надолго укрыться, уйти в себя, чтобы никто не нашёл?

Она шла мимо «Аптеки» – там больше пяти минут не просидишь. Скука заест, да и продавщица тарачиться начнёт. «Гастроном» с разноцветными сочными фруктами, нарисованными на витрине, «Ателье» с выставленными в окнах манекенами, узкий вход в комиссионку, куда надо подниматься на второй этаж по скрипучей лестнице, книжный магазин...

А что?..

Там-то точно её искать никто не подумает.

– Девочка, а вы не подскажете, где здесь библиотека? – спросил её высокий загорелый мужчина в светло-сером пиджаке, широкополой шляпе и в тёмных очках.

Библиотека!

Конечно! Как сразу, дура, не догадалась? Из книжного выгонят через полчаса и не дадут прочесть все журналы с вит-

рины, а в библиотеке можно сидеть хоть до вечера. Записана она туда ещё с садика, так что пришло время вспомнить былое радужное детство.

– Нет, – помотала головой Машка и, отвернувшись от незнакомца, продолжила путь.

На самом деле, библиотека располагалась на другой стороне улицы. Странно, что нелепый гражданин её не видел. Перебежав в неположенном месте, Машка прошла через две пятиэтажки и оказалась возле сумбурного здания в виде, как ей всегда казалось, кирпичной подводной лодки с крышей и окнами, выкрашенной в бежевый цвет. Здесь ещё умещались музыкалка и художка.

Пока тучная женщина за массивным столом возле входа в читальный зал выискивала в архиве её карточку столетней давности, чтобы завести новую, Машка осматривалась, пытаясь воскресить приятные минуты.

Здесь стояла гробовая тишина. Два очкарика дотошно изучали энциклопедию и выписывали что-то в тетрадь – готовили домашку. Патлатый мужик в бандане и косухе листал журнал с мотоциклом на обложке. В дальнем углу скучал сопливый мальчуган, перед которым томилась кипа журналов «Весёлые картинки», но весело ему от картинок почему-то не было. Прилизанная девушка в первом ряду парт читала толстенный том «Античной литературы». Машка не знала, о чём можно вообще писать целый том, если в Греции творил один лишь Гомер, накатавший «Илиаду» и «Одис-

сею».

– Нашла! – запыхавшись от долгого поиска пальцем по картотекам, громко заявила повелительница читального зала. – Мария Маринина, была в последний раз у нас ровно шесть лет назад.

– Ого. А я вот стою сейчас здесь и мне всё кажется, будто вчера, – начала делиться впечатлениями Машка, обрадованная вниманием к своей персоне.

– Т-с-с, – зашикала на неё любительница античности.

– Что читать будешь, Маш? Я тебе книги принесу, а пока читаешь, карточку новую сделаю.

– Я... Я бы... – А что читать-то? Машка, кроме школьной программы, до книг не дотрагивалась. В её квартире их и днём с огнём не сыщешь, а чтобы вот так целенаправленно в библиотеку пойти... Зачем? Телевизор всегда под рукой. – Я бы почитала что-нибудь вроде «Элен и ребят».

Античица за спиной хмыкнула в нос.

– Я думаю, таких книг не написали ещё, – призналась библиотечарша, пряча усмешку за официальным тоном. – Может, «Незнайку»? Или «Волшебника Изумрудного города»?

Тут пришла пора ответной усмешки. Улыбаясь, Машка покачала головой.

– А есть здесь книги про пляж? Там, где чистый берег и никого вокруг, где едят кокосы, купаются в лазурном море?

– У нас по этой теме для твоего возраста только «Робинзон Крузо». И то, не помню, есть ли в читальном зале в детской редакции. А почему на абонементе не возьмёшь? Дома б читала...

– Дома шумно, – привычно солгала Машка.

Библиотечарша пожала плечами и, с трудом встав с насиженного места, отправилась в джунгли книжных стеллажей.

– Мам, когда домой уже? – тихо заскулил при её приближении мальчонка с «Весёлыми картинками».

– Т-ш-ш, – приложив палец к губам, библиотечарша указала на пятый номер журнала, тем самым намекая на время закрытия заведения.

Машке досталась-таки полная версия «Робинзона Крузо», без цветных картинок и с мелким шрифтом. Однако библиотечарша уверяла, что никакой пошлости во взрослой версии нет – просто она скучнее и с монологами про Бога.

Машка выбрала угол возле окна, где она находилась в рав-

ном отдалении от всех участников молчаливого процесса поглощения книг. Ей не хотелось никого видеть и слышать.

Часы пролетали незаметно. Погружаясь в жизнь Робинзона Крейцнера, Машка забыла о своих проблемах. Юный англичанин чем-то походил на неё: такой же ершистый, непокорный, не учился на своих ошибках и, как баран, шёл напролом, не слыша, что ему советует Провидение (Машка в первый раз прочла такое слово, и оно ей показалось круче, чем Судьба).

Мужик в чёрном ушёл первым. Потом приходили какие-то хохотушки, приставали к ботаникам у энциклопедии, но девчонкам сделали замечание, и они, обиженные, убрались прочь, задрав хвосты. Хоть где-то им дают отпор! Очкарики немного покорпели и тоже вскоре пропали в бездне за дверью читального зала. Самой стойкой была античница. Сын библиотекарши сверлил её глазами. Видимо, он познал её упорство в постижении науки давно и не понаслышке. Сидеть она будет ровно до 17.00. А вот Машка – тёмная лошадка.

Что ж, хотелось сказать спасибо той девушке. Вряд ли бы Машка вытерпела так долго докучливые взгляды, заставляющие скорее уйти. А может, и вытерпела бы. Просто назло.

– Читальный зал закрывается, – словно песню пропев, сообщила библиотекарша. Её сын издал нечто вроде победного клича. – Просим вас сдать литературу или оформить на ночь. Стоимость за одну книгу...

Античница, видимо, домой брать том не собиралась, так как поспешно встала, сложила конспект и сдала книгу. За окном начинало темнеть. В читальном зале горел желтоватый свет ламп. Так не хотелось уходить отсюда, что даже чувство дикого голода притуплялось. Машка словно проживала жизнь Робинзона, а о своей и забыла.

Но вот ей опять туда, в холодный осенний вечер на пути к истерике мамы, которая дойдёт до побоев... Неужели нельзя остаться тут, спрятаться среди тёплых фантазий умерших давным-давно авторов?

И Машка решила: пока античница сдавала книги и стояла, расписываясь в бланке, сама юркнула под парту и прошмыгнула вглубь книжных стеллажей, прихватив с собой том Дефо, будто и не было её тут никогда.

– Сдаём литературу, – словно подражая монотонному голосу, объявляющему окончание посадки на поезд, повторила библиотечарша, но вдруг, осмотрев владения, обнаружила одну лишь пустоту. – Она ушла, что ли?

– Чё-то не видел, – сонно ответил сын, ковыряя в носу.

– Стол пустой. Неужели воровка? Она мне сразу не понравилась. Упаси Бог тебя от таких девок. Схожу за Клавдией Петровной, если она домой пораньше не убегла.

Сквозь просветы между книгами Машка видела, как толстячок совершенно сник – ему снова приходилось ждать в тесной комнате вечной тишины. Пока мама искала заведующую библиотекой, он решил развлечься, изображая пловца

на парте, перемещаясь на животе от края до края.

Стук каблуков по деревянному настилу в коридоре заставил Машку спрятаться надёжнее в книжных джунглях. Она нашла стеллаж, за которым было узкое пространство и стена. Надеюсь, что сюда никто не заглянет, девчонка вся сжалась, прикрыв лицо томом Даниеля Дефо.

– Ага, сидела вот там, а потом пропала вместе с книгой. Даже Мишенька не заметил, как она проскочила мимо нас. И главное, вид такой воровской: сразу понятно, что пришла не с благими намерениями. Поймали б бедолагу, Клавдия Петровна! Вы сообщите куда следует ведь, да? Вот она и карточку свою здесь восстановила. Миронова Мария. В милиции всё знать должны. Хотя она ж могла и чужим именем назваться – вот же недотёпа я, а! Без родителей и свидетельства о рождении ей карточку восстановила! Ой, горе мне. Видать, с меня за книгу вычет будет из зарплаты, да, Клавдия Петровна?

– У вас рабочий день закончился. Идите домой спокойно и отдыхайте. Не волнуйтесь, я во всём разберусь и никаких вычетов с вас не потребую. Но впредь, конечно, будьте бдительны!

– Спасибо вам, Клавдия Петровна. Бог вам в помощь. И не переживайте: буду всех проверять теперь. Ну, побежали мы. Мишеньке ещё в парикмахерскую надо успеть до шести, пока не закрылась.

Под возмущённые возгласы сына дверь сильно хлопнула,

но свет в читальном зале продолжал гореть. Цокот каблучков и нытьё ребёнка, требующего подарок, слышны были и через стену. Но вот они стихли, а свет всё горел и тишина кричала о чём-то безумно страшном.

Почему же заведующая не уходит?!

– Вот ты и пришла, Маша, – раздался знакомый голос. – Я же говорила, что мы встретимся. Думаю, теперь у тебя сомнений не осталось. Жду тебя внизу, у парадного входа.

Машка опустила руку с томом Дефо и удивлённо пялилась на ту самую женщину, из-за которой не так давно приняла решение не возвращаться больше на любимую вышку.

Испытание

Трюм

В трюме парусного судна почти одновременно очнулись от искусственного сна сорок восемь подростков. Сначала они все как один пробовали на разные лады проверить достоверность реальности: кто-то больно щипал себя, кто-то тёр до искр глаза, кто-то проводил ладонями по шершавой поверхности дощатых стен, кто-то вслушивался в шум моря где-то там, за бортом, а кто-то проверял пульс.

Спустя три-четыре минуты в трюме воцарился хаос.

– I want to go home!

– #####!

– Dem stimme ich nicht zu!

– Уж лучше обратно в детдом!

– j'ai peur...

– Lokhu kungamampunge.

– Dette er ikke normalt.

– Дахин хууран мэхлэлт.

– Czy ktoś tu mówi po polsku?

Все кричали, в беспомощности глядя друг на друга, пока пол под ногами то поднимался, то опускался, как в воздушном аттракционе. Все кричали, глядя в человеческие ли-

ца разных оттенков и форм, но не находили ответов, словно кричали в живую пустоту. В панике стучали кулаками по бочкам, рвали волосы, катались по полу, кидались на стены. Никто в стране глухих не приходил на зов о помощи.

И тогда от Созидания и Хаоса родилось молчание.

Подростки стали вглядываться друг в друга, осматривать трюм, поднимать случайные вещи, запоминать детали.

Почти одновременно они обнаружили мужчину в серой рясе в дальнем углу трюма. Он молчал и, скрестив руки, из-под широкого капюшона наблюдал за всеми.

Многие тут же ринулись к нему с расспросами, находились и те, кто рискнул подойти вплотную, чтобы потянуть за рукав, но их словно электрической волной отбросило назад.

– Does anyone speak English? – раздался самоуверенный голос крепкого, но низкорослого мальчишки в синей бандане и серьгой в ухе.

Многочисленные «yes», уверенные и робкие, раздавались с разных концов, и вскоре вокруг англоговорящего собралась добрая половина подростков. Они начали наперебой рассказывать друг другу о том, как оказались здесь, но в суматохе и непрекращающейся качке всё снова свелось к базару.

– Вы тут все тоже отправились в нору вслед за Белым Кроликом? – спрашивал очкарик в нелепой рваной полосатой зимней шапочке с белоснежным помпоном.

– Меня ведь даже искать никто не станет... – хныкала ма-

лютка со спутанными волосами.

– Интересно, а что за стенами? Море, небо или космос? – интересовался голубоглазый мальчик в кепке, на два размера больше его головы, привычно не ожидая ответа на заданный вопрос.

– Кошка будет по мне скучать. Я ведь с ней даже не попрощалась, – сообщила неизвестным спутникам темнокожая девочка в розовой кофте с вышитым чупа-чупсом.

Мальчик в бандане безуспешно пробовал утихомирить собравшуюся возле него толпу, но все были сами по себе и в себе.

Словно планеты, сбитые с орбит.

– Что ж, хей, хей, внимание!

Но на него не обращали внимания.

– Давайте знакомиться, окей?

Из толпы вынырнул настоящий для своего возраста атлет в баскетбольной майке и свистнул, сунув два пальца в рот. На миг затихли звуки. Мальчик в бандане благодарно пожал руку спасителю и, не теряя ни секунды, воспользовался моментом.

– Я Роберт. Можно просто Роб, или Боб, или Бобби, как хотите, чуваки. Я с Нью-Йорка. Последнее, что помню, так это группу террористов. Они запихнули меня в вонючий грузовик. Там я уснул под действием газа или ещё чего, но я реально уснул надолго и всерьёз, как не спят обычно люди. И вот он я тут. Где я? И кто вы? Это похоже на теракт. Нам надо решить, как спастись. Но сперва представьтесь. Чтоб мы могли нормально общаться. Потом расскажете, как вас сюда затащили эти долбаные уроды. Давайте по очереди, что ли. По часовой стрелке погнали. Часы, ну, они вот так вот идут у людей нормальных.

Он пальцем провёл от себя и по кругу.

– Я Фил. Просто Фил, без всяких глупых добавлений вначале, – представился мальчишка с большой кепкой.

– Фред. Я Фред, – отчеканил очкарик.

– Тина.

– Джил.

– Соня, – не переставая хныкать, представилась малютка.

– Юра.

– Кристина, – кокетливо улыбнулась, представляясь, afroамериканка.

– Марко.

– Себастьян.

– Артур.

Имена продолжали называть, но дети запомнили только первых – остальные словно растворились в омуте. То ли

страх, то ли головокружение от качки, то ли новых имён было слишком много на сегодня.

– Ну а я Джейсон, – подытожил баскетболист и встретился глазами с Бобби. Нехорошее предчувствие бросило свои семена в душу последнего. Только что он пожимал руку Джейсона в знак благодарности. Но хотел ли Джейсон помочь Бобби стать лидером? Или настоящий лидер – Джейсон, а Бобби всего лишь рупор?

В то время пока шло знакомство англоговорящих, прочие перемещались от одного чужака к другому, надеясь услышать родную речь. Так появлялись пары, тройки и маленькие группы.

Так зарождался новый мир.

Впрочем, этот не был исключением из множества других, в которых общим правилом становятся изгои.

Кудрявый светлокожий юнец в кроссовках и с носками разных цветов абсолютно не обращал внимания на сборы. Он в это время пытался откупорить тяжёлые бочки, тут и там расставленные по периметру трюма, но всё было тщетно: не поддавались крышки.

Ещё один тип, пучеглазый, но очень худой юноша с романтически бледным цветом лица старался держаться ближе к девочкам. С милой улыбкой и ладошками, сложенными возле сердца, подходил он к одиноким представительницам противоположного пола и жестами пробовал найти общий язык. Первая сначала пыталась подружиться с прият-

ным незнакомцем, но, когда услышала английскую речь Бобби, тут же убежала на зов, бросив собеседника, что называется по-английски. Вторая, узкоглазая девочка в роговых очках, смотрела за жестами очень внимательно, кивала невпопад и даже шла за ним, куда тот сам шёл, но в одночасье примкнула к маленькой группе во главе с подростком восточной внешности с длинным, до пояса, хвостом. Третья пришла сама и не уходила, как ни пытался романтик делать ей намёки, что им не по пути. Девчонка была выше и полнее и приняла его доброе приветствие за знак Судьбы, так как раньше ей вообще никаких знаков внимания мальчишки не оказывали.

Так ни к кому не примкнула и светловолосая девочка с родимым пятном на левой щеке – та отошла в дальний угол и аристократично села на квадратный ящик, предварительно постелив на него покрывало из множества салфеток, бережно хранившихся в маленькой сумочке в виде плюшевого мишки. Девочка смотрела на всё происходящее, лениво поднимая глаза, словно взирая на мышиную возню. И те мышки, что осмеливались обращаться к ней, получали в ответ лишь презрительное «Пф-ф-ф».

И ещё была девчонка с нечёсаными русыми волосами, тихо сидевшая в углу с книгой. Не обращая внимания на суету, крики, болтовню на разных языках, она сидела и читала. Она впивалась в строки романа, а на плотные белоснежные страницы падали крупные слёзы. Непонятно было, отчего же плачет девочка: то ли из-за нелёгкой судьбы обречённого на

одинокчество главного героя, то ли оттого, что сама навсегда потеряла уютный дом с телевизором. Да впридачу и маму с папой.

Внезапно корабль резко качнуло. Дети в толпе падали с криками друг на друга, словно костяшки домино, бочки опрокидывались и катились к наклонённой стене, сбивая неуклюжих подростков.

– Корабль терпит крушение, – без лишних эмоций сообщил высокий мужчина в капюшоне, и слова его прозвучали бесстрастным приговором для эмбриона цивилизации в трюме.

Все малые группы и герои-одиночки перемешались в безумном вихре панического ужаса: бочки опрокидывались под натиском толпы, ринувшейся к единственной лестнице, ведущей из трюма наверх. Началась давка.

– Пусти, урод! – орал в ухо Филу Джейсон, только недавно объединившийся с ним в одну команду, локтем оттаскивая его вниз по лестнице.

Добравшись до верха, словно играя в царя горы, Джейсон не шутя стаскивал силой тех, кто уже успел забраться выше. Когда оказался ближе всех к выходу, ударил плечом по запертому на висячий замок люку. Он приподнялся на сантиметр, но цепь не рвалась и не разгибалась. Мальчишка пробовал ещё и ещё, крича от бессилия и отчаяния. Стоящие за ним ниже ничем не могли помочь. Эту репку не вытащить, встав в один ряд.

– Может, вместе? – немного отстранив подуставшего Джейсона, на ступень рядом с ним встал Артур, худой, но жилистый коротко стриженный англичанин в футболке с классическими «Битлз». – Давай на счёт три!

Взмокший и выдохшийся Джейсон ткнул указательным пальцем правой руки в середину расправленной ладони левой, давая понять, что ему нужно немного передохнуть, прежде чем начать новый штурм ворот.

В то же время под сотрясающие потолок звуки подростки в хвосте, те самые герои-одиночки, пытались найти иные пути. Окон не было – трюм походил на огромную тюрьму, где не предусмотрено деление на камеры.

Может, допросить единственного человека, который прибыл сюда не в поисках новой счастливой жизни и не был схвачен террористами.

– Слушайте, а вы ж вместе с нами потонете, если что, – подошла к человеку в серой рясе девочка с книгой. – Вам оно надо? Вы ведь знаете, как наверх попасть. Или это ТВ-шоу? Я не соглашалась в нём участвовать. Но если это шоу, то мы не погибнем. Если же нет, то помогите как-то, что ли! Вы же взрослый!

Человек в капюшоне продолжал молчать, скрестив руки.

– Ладно, значит, это шоу. Мы не утонем! – прокричала она толпе на лестнице и на подступах к ней, а потом демонстративно села на широкий сундук, спиной опёршись о стену трюма, достала заветную книгу и равнодушно продолжила чтение.

Но её мало кто понял, потому что она говорила по-русски.

Несколько крайних в очереди человек отошли от лестницы и, глядя на неё, тоже занялись своими делами: искали тайные ходы наружу, слушали шум волн за пределами корабля, уходили в себя, распластавшись на полу.

– А это что за золотой ключик? – голос с притворным акцентом ворвался в мир заживо погребённых в море подростков и озарил их надеждой. Девочка с родимым пятном на левой щеке копалась в сундуках с одеждой времён эпохи Просвещения, надеясь найти что-нибудь не слишком убогое для тематической вечеринки. И вдруг обнаружила блестящий желтизной ключ, словно из сказки про Буратино.

Человек в капюшоне обратил на неё взор, который мог бы состязаться со сканером: так пристально сверху вниз прошёлся глазами, будто сохранял фотографию на сервер.

– Давай его сюда! – проорал Джейсон, но никто не поторопился, как тот привык, броситься к девчонке, чтобы передать ключ ему, стоявшему ближе всех к выходу. И потому она сама подошла к лестнице и чопорно сделал поклон, а

потом подняла руку вверх, чтобы стоявшие ближе к самому верху смогли забрать артефакт.

И он подошёл!

Щёлкнул замок, и поток рванул сквозь люк наружу, на палубу. Словно звери, с дикими криками, они бежали, даже не догадываясь, что ждёт их там, за крышкой.

Палуба

Не шоу, не съёмка фильма – за бортом бушевало настоящее море. Плыли они на огромном парусном судне эпохи Нового времени, и волны поднимали его, словно пёрышко, баюкали в своей неровной колыбели, готовой вот-вот опрокинуться. Брызги перелетали за борт бешеными порывами ливня. На палубе не было никого, за исключением ещё одного зрителя в серой рясе. Тот стоял ровно посередине, неподвижно, скрестив руки перед собой. Он ждал.

Из трюма, шатаясь, выбегали один за другим ошалелые дети, осматривались, кричали. Многие тут же прыгали обратно в трюм, толкаясь, но лишь бы не видеть кошмара бушующей стихии снаружи – пускай кто-то другой разбирается, тот, кто знает толк.

Выбравшиеся пытались удержаться, чтобы не выпасть за борт во время качки: хватались за мачты, ползли, искали укрытия.

– Джейс, попробуй сделать что-нибудь со штурвалом, – Бобби решил всё же проверить силу верноподданничества крепко сложенного подростка. – Может, удержишь в одном направлении.

На удивление, Джейсон как-то мрачно кивнул и уверенно зашагал в сторону руля.

– Ребят, кто что понимает в управлении парусником? –

продолжил американец в бандане, обращаясь к кучке подростков, зацепившихся за опоры рядом. – Как нам быть? Вроде бы, раз сейчас шторм, паруса надо все опустить. Вот только как, блин?

– Да, так будет лучше. И ещё бы сбросить плавучий якорь, – принял участие в деле Фред. Его очки то и дело забрызгивало солёной водой, пока он стоя держался за мачту. – Но если шторм несёт нас к берегу, то лучше оставить паруса на местах и на полной скорости идти туда.

Роб огляделся – никаких берегов, одно лишь бескрайнее море.

– Вон там есть Воронье гнездо! – подсказал снова Фред, указывая на открытую бочку, установленную на одной мачте. – Прикажи кому-нибудь туда слазить и посмотреть.

– Ага, сам лезь, – фыркнул засевший возле запертой капитанской рубки Артур. – Это ж верняк кувырком в море. Даже Джейс бы не рискнул. Наверно.

– Это надо сделать! – рявкнул Роб, пытаясь пресечь попытки неподчинения. И конечно, доверить эту миссию оставшемуся Артуру теперь стало бы настоящей проверкой. Но пока проблемы были более существенными – с вызовами потом.

Он искал среди держащихся рядом жертву. Даже не жертву, а первого космонавта. Он искал человека, который бы смог указать им путь, пускай и страшной ценой.

– Ты! Слазь туда и скажи, где земля! – крикнул он малышу с меткой на лице. Именно малышу, потому что тот не выглядел как все окружающие, а был худеньким и низкорослым, будто ему лет восемь от роду. Метка шла от коротко стриженных волос и до узких восточного типа глаз.

Мальчик сделал вид, будто не понимает приказа. Тогда Роб стал объяснять жестами, но выходила ерунда какая-то.

Помочь ему взялась девочка в роговых очках – она перевела слова. Мальчик с меткой жалобно посмотрел на Роба,

как бы спрашивая: вы точно этого хотите?

Роб неумолимо кивнул.

Девочка ещё раз показала на мачту с бочкой и что-то проговорила на китайском, после чего малыш проворно рванулся выполнять задание, перебегая от опоры до опоры в перерывах между ударами волн.

– Вы тоже будете молчать, да?! – Девочка с книгой вылезла последней и принялась донимать расспросами второго зрителя в рясе. – Даже если это какое-то шоу, неужели вы не видите, что дети могут погибнуть? Неужели вам всё равно?! Возьмите, пожалуйста, управление в свои руки! Одумайтесь!!!

В сердцах она пнула бессердечного наблюдателя – вот только нос кроссовки будто упёрся в резиновую стенку с магнитным полем: ногу отшвырнуло назад, а по телу словно пробежал разряд в разы большее статического электричества.

– Хёджин сказал, что может руководить снятием парусов, – к Робу снова обратилась девочка в роговых очках, указывая на подростка с длинным чёрным хвостом, стянутым несколькими резинками. – Он с дедушкой плавал однажды на «Тэйянге». Парусник новее этого, но смысл всё равно один. Хёджин будет говорить, а я буду переводить остальным.

Роб согласно закивал и дружески приобнял девчонку.

Новость радовала: Джейсон изо всех сил удерживает

штурвал, Хёджин займётся парусами, а к нему самому идут люди с предложениями о помощи. Они шли к нему как к капитану! Жизнь подкинула новый сюрприз. Вот только для чего они здесь все? Впрочем, главным пока было выбраться из шторма и взять под контроль толпу подростков.

– Земля! Там земля! – дико орал Джейс, перебивая шум волн, ветра и безумия. – Нас несёт к берегу! Прячьтесь в трюм!

И вновь поднялись вопли, только теперь радостные. В надежде на избавление от власти моря, перебегая от укрытия к укрытию, подростки возвращались к люку. Одна неудачница побежала не вовремя и очередная волна, подхватившая корабль, опрокинула её и потащила куда-то в сторону левого борта. Её никто не пошёл спасать – она ведь всем чужая, а детям было жутко страшно за свою жизнь.

– Скажи спасибо Хёджину, но, видимо, его услуги нам не понадобятся. Пока... – оскалившись в вымученной улыбке, Роб удостоил ответом девчонку в очках с двумя оранжевыми хвостиками.

Конечно, пока... Впереди земля, но чья это земля и как корабль трёхсотлетней давности оказался на просторах моря?

Девчонка поклонилась и стала пробираться к своему новому приятелю, возле которого уже собралось немало людей. При том, что добрая половина ещё не вылезла из трюма.

– Впереди скала! – рёв Джейсона заставил похолодеть и

насквозь промокшее ледяное тело юного капитана. – Мы несёмся на неё!!! Мерзость собачья, нам не свернуть!!! Мы не успеем!

И тут в дело вмешался Хёджин. Он отдавал команды тем, кто укрывался рядом и ещё не убежал в трюм. Чётко указывая, какой парус спустить первым, куда лезть и где найти плавучий якорь, мальчишка превратился в маленького вождя, уверенного и умелого. Под проливным дождём он кричал нечто, непонятное Робу, и команда подростков дружно бралась за дело. Правда, исполнители не привыкли к такой работе, оттого три паруса порвал ветер и одна стеньга слетела с мачты и грохнулась о палубу, едва не пригвоздив стоявшего прямо под ней высокого мальчика-индуса. Он успел отпрыгнуть, но, отскочив от палубы, стеньга больно саданула его в бок.

Несчастья происходили, пока спускали самые крупные паруса: для этого нужна была слаженная и быстрая работа всей команды, а они пока ещё и одной компанией-то не были. Многие едва понимали друг друга.

Благодаря их усилиям корабль замедлил ход, но скала всё же неумолимо приближалась. Ветер гнал судно даже после того, как последний парус был спущен. Они не летели, но словно бежали навстречу неизбежному столкновению.

– Живо все в трюм! А ну, тупые задницы! Вас за борт снесёт, выродки! – орал Джейсон, не помня себя от ярости.

Промокшие до нитки, чихая и всхлипывая, оставшиеся на

палубе спешили спрятаться от злой судьбы, гнавшей их навстречу гибели. Пусть встретят они её здесь, затонув в нижней части корабля, но вместе, дружно, только непонятно по чьей воле: то ли злых людей, то ли безумных.

Мальчуган, сильно спешивший спрятаться, не видя на палубе ограждения высотой в фут, растянулся, кувыркнулся, а потом резко схватился за лодыжку. Хёджин спросил, как у него дела и может ли идти. Подросток кивнул и, хромя, поскакал к очереди в трюм.

– Джейс, спускайся! – позвал Роб, замыкавший шествие.

Рулевой не двигался с места.

– Спускайся! Это приказ!

Джейсон саркастически посмотрел на капитана в бандане.

– А кто ты мне, чтобы приказывать?!

И он продолжил упрямо держать курс, надеясь как-то вырुлить.

– Я сделал всё, что мог... – вздохнул Роб и нырнул в трюм, плотно захлопнув крышку.

На лестнице, прижавшись к перилам, нависли, будто виноградины, трясущиеся от страха близкой смерти представители разных народов и стран. Все молились своим богам.

И только неподвижный смотритель в серой рясе так же беспристрастно стоял, вглядываясь в копошащихся людей.

А другой остался снаружи вместе с Джейсоном. И в отличие от мускулистого паренька, его словно совершенно не беспокоила судьба корабля, несущегося по волнам к чёрной

скале.

– Роб, кэп Роб! – Кто-то тянул за футболку несчастного самопровозглашённого капитана. Затерявшись в толпе на лестнице, где жалась большая часть подростков, верящих в правило золотой середины, Роб вспомнил поездки в автобусе в часы пик, когда тебя швыряет то влево, то вправо, но всякий раз наваливаешься на чьё-то провисшее меж верхним поручнем и днищем тело.

Роб протолкнулся в нужном направлении и снова увидел её, докучливую китаянку в очках и с хвостиками.

– Чего тебе, э-э-э...

– Ха Ли.

– Я не понимаю твой язык.

– Ха Ли. Это моё имя. Запомнишь? Ты же запомнил, в какую сторону часы ходят. Вот и моё имя, я уверена, осилишь. Четыре буквы всего. Ха Ли.

Роб понял, что его унизила незнакомая девчонка. Хотя нет... Похоже, теперь уже знакомая.

– Ха Ли, чего надо?

– Роб, ты не видел того самого малыша?

– Какого ещё малыша? – стараясь перекричать общий шум, капитан вплотную подошёл к девчонке и спрашивал почти ей в ухо.

– Малыша с меткой на лице. Ты отправил его искать землю на Воронье гнездо. Помнишь? В трюме его нет. Я обошла каждый угол, заглянула в шкаф и сундук. Малыша с меткой

нигде нет.

Горячая кровь хлынула в голову. И голова горела от неведомого ужаса. Роб снял бандану – волнистые чёрные волосы, взмокшие, спали до ушей.

– Не было никакого малыша, – сквозь зубы процедил он Ха Ли. – Не было его. Поняла?!

Девчонка отпрянула от Роба, как если бы, собирая грибы, обнаружила под крупным боровиком змею.

Ей осталось лишь кивнуть и скрыться в толпе, упорно жмущейся на лестнице. Все ждали чего-то страшного: столкновения, треска, потоков воды, что мощной струёй ворвались бы сквозь пробитую камнями брешь. Подростки на самом верху готовились бежать, если трюм начнёт заполнять вода. Те, что стояли ниже, беспокоились и толкались. Начались ссоры, даже драки. Вскоре вниз стали оттеснять слабых. Понятие «очередь» растворялось в воздухе как ненужная абстракция в мире насущных дел.

Как ни держались за поручни лестницы, внезапное столкновение отбросило всех вниз. Началась давка: подростки поднимались, наступали на мешающие идти вперёд чужие части тела грубыми подошвами с шипами, лезли, чтобы успеть выбраться до того, как вода хлынет в трюм. Плач, стоны и крики боли никому не мешали рваться наружу. На одеждах зарябила кровь.

Сквозь люк невольные пассажиры корабля рвались гурьбой, сыпали на палубу под проливной дождь, осматривались.

Корабль натолкнулся на скалу и застрял, частично смяв носовую часть, и держался благодаря повреждению. Казалось, мощный порыв ветра двинет останки дальше – и тогда море поглотит судно, как кит мелкую рыбёшку – даже не заметит.

По крайней мере, качка прекратилась. Можно гулять под дождём по палубе и осматриваться. Увидеть вдалеке желанный берег, куда и вплавь бы добраться, но не в шторм же, когда волны утянут за собой в открытое море.

Все заметили и Смотрителя, так же недвижимо стоявшего возле кормы.

И мало кто обратил внимание, что возле штурвала никто не стоял.

А ещё меньше – только Ха Ли и Роб – посмотрели на никем не занятое Воронье гнездо.

Пустая палуба...

Слишком пустая, чтобы поверить во всё происходящее.

Высадка

– Хей-хей, ребят! Э, слушайте сюда, я буду говорить! – под общий гвалт и рёв моря вперемешку с проливным дождём Роб пробовал взять инициативу в свои руки. Без Джейсона это оказалось почти невозможным, но упорный тинэйджер ринулся на кормовую часть с небольшим возвышением.

– Ребя-я-ят! Хей! Ну! К вам же обращаюсь! Э! – Роб выходил из себя. Никто не слушал, кроме парочки тех самых англоговорящих – остальные из его команды, казалось, потеряли самообладание: они ничего не слышали и не видели, рыскали по палубе в надежде найти еду, подсказки или тайный выход обратно в старый мир. – Чёрт, ну послушайте же! Нам надо выбраться...

И тут он увидел поднятую вверх руку.

Смуглая девчонка, коротконогая, в белом, но насквозь мокрым платке, сквозь который видны смолистые жёсткие волосы, с поднятой рукой шла к нему. На неё обращали внимание те, мимо кого она уверенно проходила. Добравшись до кормовой части и встав рядом с Робом, она не опустила руку и что-то громко сказала на незнакомом языке.

Он поклонился ей, заметив, что уже треть подростков затихла и ждёт, что им скажут. И вдруг один тоже поднял руку, будто хочет ответить на вопрос учителя. Но ведь и сам учитель тоже стоит с поднятой рукой. Роб не понимал, что

происходит.

Ещё одна девчонка в толпе подняла руку. Потом этот крутой Хёджин поднял руку.

Роб, не осознавая, что делает, тоже высоко поднял правую руку с раскрытой ладонью.

Один за другим стали присоединяться потерявшиеся и запаниковавшие подростки разных национальностей, вероисповеданий и цвета кожи. Они поднимали руки с раскрытой ладонью и смотрели в надежде на мальчишку в бандане и девчонку в платке, которые по росту походили на пятиклассников. Так воцарилось молчание, породившее осознание единства.

Они стояли бок о бок на палубе древнего корабля, незнакомые, брошенные, и, казалось, здесь должна начаться их новая жизнь. И вот он, первый саженец.

Девчонка в платке опустила руку и указала на Хёджина, при этом подмигнув Робу. Тот всё понял и пальцем пригласил азиатского вождя к себе. Безусловно, последний не смог обойтись без ставшей родной переводчицы. Раздались аплодисменты с разных сторон корабля.

– Нам надо сделать выбор, – начал Роб, кивая Ха Ли, чтобы та переводила Хёджину. – Я нашёл шлюпку на борту – там все поместятся. Мы либо плывём на ней сейчас. Либо остаёмся тут. Но учтите: корабль застрял. Если его отнесёт от скалы, он потонет. Мы можем не успеть даже сесть на шлюпку. Мы должны...

– #, – перебил Хёджин и начал что-то объяснять Ха Ли.

– Что такое? Ты против того, чтобы мы доплыли до острова?

– Нет, кэп, – тут же обратилась к нему девчонка в роговых очках. – Хёджин говорит, что пастуху не стоит спрашивать советы у стада. В такой ситуации капитан должен сам решить и приказать, иначе начнётся хаос.

– Почему же хаос? Мы просто выберем, кто хочет уехать, а кто остаться. Моё дело – предложить, – усмехнулся Роб странной позиции.

Хёджин неодобрительно сверкнул глазами в сторону Роба, когда услышал перевод его ответа от Ха Ли.

– Итак, каждый делает свой выбор. Я сам отправляюсь на берег и скидываю огромную шлюпку вниз. Кто со мной, помогайте. Остальные вольны оставаться здесь, но поймите, что иного шанса доплыть до берега не будет. Кто со мной?

Больше половины людей на корабле вновь подняли руки, остальные недоверчиво смотрели, не понимая, что происходит. В этот раз рука в воздухе походила на голосование – подростки опасались отдать голос за то, с чем не были бы согласны.

– Хёджин сможет передать вашим моё предложение? – спросил Роб у Ха Ли.

Та кивнула, и вскоре после слов вождя добавилось ещё множество рук. Остальные либо не владели обоими языками, либо задумали что-то ещё...

– Все идём спускать шлюпку на воду! – крикнул Роб и хотел уже сойти с возвышения, как увидел странную девочку, обнимающуюся с книгой. Девчонка неуверенно шла сквозь толпу прямо к ним.

– Нет... – Роб ничего не слышал сквозь постоянный шум, но губы девочки шептали именно это, он знал. – Нет... Не надо!

Преграждавшие ей путь невольно отходили в сторону, словно от чумной, разглядывая вязаный коричневый свитер с масляными пятнами на манжетах; протёртые джинсы, внизу подвёрнутые до массивных рулончиков; длинные ногти, блестящие радужными цветами лака на фоне серости дождливой погоды; спутанные русые мокрые волосы, кончики которых падали на тонкий, обхваченный предплечьями том, абсолютно не соответствующий по виду своей хозяйке: подарочное издание в кожаном переплёте, защищённое суперобложкой, правда тоже промокшей.

Роб тяжело вздохнул: не хватало ещё среди паствы иметь лжепророка.

– Не надо убегать корабль, – вещала девочка-пророк на ломаном английском. – Не надо давай уедем.

– Почему? – спросил Роб, хотя понимал, что сейчас девчонка начнёт расписывать, как во сне ей явился дядька с крыльями...

– Я не говорю по-английски, – честно призналась она. – Плохо.

– Конечно, плохо, – с подавленным смешком согласился капитан. – На каком языке ты говоришь?

– Русский.

– Ок, – кивнул Роб и обратился, повышая громкость, к толпе на корабле: – Есть тут кто-то...

Но осёкся.

– Слышь, как тебя там?

– Мэри.

– Слышь, Мэри, давай-ка сама. Думаю, ваши вряд ли кумекают на других языках.

Девочка послушно взошла на возвышение и обратилась уже на родном языке:

– Кто по-русски понимает?

– Я, – ответили откуда-то два голоса.

Вскоре к кормовой части прибежал тощий нескладный подросток с короткими чёрными волосами.

– Меня Юра зовут, – представился он девочке.

– А меня Маша.

– Что за чёрт! – выругался Роб, слушая их знакомство. – Я идиот! Какой толк от второго русского, если он тоже ничего перевести не может!

– Я смогу!

Уверенной походкой из толпы вышел крепко сложенный кудрявый молодой человек восточной внешности и уже по-русски добавил:

– Привет, ребят. Я Биржан, с Казахстана. Говори, Маш, я

ему переводу.

И Маша, она же Мэри, поведала свои опасения Биржану.

– Я сейчас читаю вот эту книгу, – девочка показала обложку с названием, но название книги в русском переводе мало что значило для Роба. – Я читаю её, и вдруг понимаю, мы оказались в такой же ситуации, как и герой, Робинзон Крузо. Их корабль наткнулся на скалу. Капитан принял решение спустить шлюпки и плыть к острову. Из всей команды выжил один Робинзон! А на корабле не остался никто, кроме собаки... И она тоже выжила. Я слаба в математике, но здесь даже я могу сосчитать: шансов выжить больше, если остаться здесь!

Биржан слушал, слегка склонив голову набок, к некрасиво висевшему на нём от проливного дождя белому с чёрными кантами парадному костюму гимназиста. Непонятно было, согласен он с ней или нет, но слова тот передал Робу в точности.

Последний даже покраснел от нелепости услышанного. Не сдерживая эмоций, юный капитан проорал:

– А вот я фильм смотрел, где все выжили! Да, выжили! Потому что сели на шлюпку и свалили с тонущего корабля!

Из-за брызжущей слюны и громкого голоса, а ещё из-за плохого знания языка Маша не поняла, что сказал Роб, но, видимо, оставаться на корабле, как собака, он не желал.

– Ты бы помягче, – карими глазами впиваясь в зазнавшегося капитана, урезонил его Биржан. – Это же девочка. Как

можно кричать на неё?

– Да чёрт с вами. Оставайтесь здесь, если хотите. – Махнул на них Роб и вернулся к первоначальному плану. Он обратился к ожидавшим его команды подросткам:

– Ну, пошли за мной к шлюпке. Надо спустить её на воду!

Гордой походкой победителя Роб сошёл с пьедестала кормового возвышения.

– Что сказала девчонка? – раздался предательский голос какого-то заморыша, как в тот миг думалось Робу. Он мало кого здесь знал, но все, кто пытался занять собственное мнение, уже попадали в разряд заморышей.

На вопрос ответил Биржан. Он подробно объяснил, почему у Мэри такой взгляд на ситуацию. Роб возненавидел и его тоже.

– Так мы идём спасаться с чёртова корабля или хотите сдохнуть здесь с этой чокнутой?

Момент был выбран неверный.

Так раскололся мир.

Конечно, большинство предпочло спастись. Шлюпку осторожно, медленно спустили на воду – Роб снова назначил Хёджина ответственным, как самого главного знатока в мореплавании. По верёвочной лестнице осторожно один за другим покидали застрявший в скале корабль, рассаживаясь на огромной и, казалось, ненадёжной лодке. Ветер уже швырял солёную воду им за борт.

Тринадцать человек оставалось на корабле, если не счи-

тать Смотрителей в сером.

Хёджин закрыл глаза ладонями, пытался уговорить капитана принять жёсткие меры, чтобы заставить их плыть тоже. Ха Ли переводила его бесконечные отчаянные доводы, упрёки, проклятия – ибо смерть оставшихся вовек будет на совести капитана. Но вот спустился последний подросток, и переводчица потянула лидера за собой, к спасительной шлюпке.

Роб покидал корабль последним из тех, кто хотел его покинуть.

– Спрашиваю вас ещё раз: вы точно остаётесь? Больше нет на корабле лодок. Корабль застрял в море, и вы вместе с ним. Прислушайтесь к голосу разума. Неужели он заставляет вас поверить трёхсотлетней книге?

Говоря это, оратор чувствовал, будто немного лгал. Голос разума пропал у многих с того самого момента, как они оказались на паруснике в открытом море в шторм.

– Я, пожалуй, пойду, извини, – улыбнулся Юрий новой подруге и засеменил к перелезавшим через борт, чтобы сесть в лодку.

– Дело твоё, – со вздохом сказала земляку напоследок Маша, вот только он её уже не слышал. Подбадриваемый Робом, Юрка, привыкший считать из двух правильных более точным мнение большинства, исчез из поля видимости за бортом.

– Эй, режиссёр, мы отчаливаем на вашей шлюпке! Вы как,

здесь останетесь? Или у вас своя яхта недалеко? – на всякий случай поинтересовался Роб у Смотрителя. И как обычно не получил никакого ответа, кроме пристального, изучающего взгляда. – Ладно! Мы отчаливаем! Чао, ребят! Я реально желаю вам удачи. Если мы доберёмся до острова, то, как шторм утихнет, приплывём за вами. А пока, трусишки, пока!

Капитан перелез через борт и скрылся с глаз.

Шлюпка отчалила. Вскоре можно было увидеть, как она лавирует по волнам, то подгоняемая ветром, то движимая силой вёсел. Медленно продвигалась команда к спасительному острову, пока осиротелые идейные подростки не знали, чем себя занять. Однако в трюм отправились все, в том числе бедный замёрзший, несмотря на непромокаемую одежду, Смотритель. Он встал в диаметрально противоположном углу от другого Смотрителя и продолжил наблюдать.

– Не расстраивайся ты. Юрий, может, и поверил тебе, но за другими идёт, потому что привык он так: слушать других, – подбадривал Машу Биржан, выжимая из пиджака воду, скручивая его, как полотенце.

– А ты как привык?

– Я привык оставаться с родными. Ты вот как родная мне, получается. Я и остался с тобой. Я не знаю, кто прав, а кто нет, и потому выбираю тех, кто ближе. Это как в семье. Вот захочет богач дом родной ваш купить, а мама с папой против будут: тут их дети родились, росли, тут семья счастливой была. Неужели ты примешь выгодное предложение? Я вот

нет. Их дом – их желание. Это выше денег.

Маша расплакалась на глазах непонятно кого, оставшихся здесь непонятно зачем. И дело не в том, что слова Биржана искренние и сам он, благородный и добрый, а в том, что никогда Маша так не поступила бы ради мамы с папой. Да и они, наверное, никогда бы так не поступили по отношению к ней. Они бы продали дом, игрушки, и её саму, наверное, предложи им хорошую сумму для погашения кредита. А может, именно поэтому и оказалась она на корабле? Может, это они её продали?

– Маш, перестань! Он друг твой был, что ли, Маш? Да ты что? – не мог успокоиться Биржан, видя, до чего довели его слова девчонку. – С ним всё в порядке будет. Завтра они за нами сюда приедут на той самой шлюпке. Вот увидишь!

Фил, мальчик в огромной кепке, мог поклясться, что после этих слов один из Смотрителей злорадно ухмыльнулся. Просто всё это время Фил лежал на ящике и пытался дотянуться до лица молчаливого наблюдателя соломиной.

– А чё он ржёт-то? – спросил Фил вслух, но его никто не понял.

Тем временем шлюпка продолжала настойчивое движение к острову. Волны хлестали через борт, делая лодку тяжелее, отчего всё больше воды проникало внутрь. Подростки, не сидевшие за вёслами, вычерпывали её со дна, как могли: бейсболками, ладонями, рубашками и джемперами.

До берега, казалось, оставалось рукой подать, как вдруг

огромная волна налетела и опрокинула шлюпку. Жертвы бездушной стихии разделились, и каждый стал сам за себя в этой отчаянной борьбе.

Они почти сразу потеряли друг друга из виду: захлёбываясь, плывя наугад, доверившись течению, подростки вопили от страха и проклинали злую судьбу. Те, кто не умел плавать, отчаянно барахтались, но внутри уже сдались – им не выжить. Сильные и крепкие, упорно видели цель и двинулись к ней, время от времени предоставляя попутному течению нести их по волнам. Сила их, благо, оказалась не столь велика – хотя бы не сносило обратно с невероятной скоростью, а крепкие мальчишки даже не теряли ничего в расстоянии, плывя против течения во время отлива.

Никто даже не пытался спасти тонущих, помочь слабым – всем надо было спастись самим.

Один лишь Хёджин постоянно находился возле Ха Ли, хотя мог бы тратить силы на борьбу со стихией, как и остальные рваться к острову. Но его переводчица плавала по-собачьи, захлёбывалась, двигалась порой не в ту сторону, так как её роговые очки потонули. Надёжный спутник позволял ей отдыхать на его спине, менял курс движения на правильный и подбадривал короткими фразами, насколько позволяли его лёгкие. Подбадривал, но, оценивая расстояние до острова, холодел от безнадёжных мыслей: им не доплыть. Должно произойти чудо...

И чудо случилось.

Сначала никто не заметил этого, но от берега отчалила точно такая же шлюпка, какая и была на корабле. Она мед-

ленно шла навстречу, рассекая волны, пока доплывшие ближе всех к острову крепкие пловцы не обратили на неё внимание:

– Эй! Эй, на лодке! Мы тут!!! – орали они наперебой, уставшие, словно после бесконечного кросса на уроке физкультуры.

И лодка двинулась на зов. Артур и камерунец Азиз, широкоплечий, с пышной кудрявой шевелюрой, теперь похожей на серую мочалку, ликовали. Их заберут – а возможно, доставят домой! Они дрыгали ногами под водой и хлопали ладошками по волнам. Их заберут!

Веселье вмиг угасло, когда в двух единственных гребцах шлюпки они узнали Смотрителей в сером. Один – с левого борта, другой – с правого. Сидели оба посередине лодки и держали курс на спасение утопающих.

После первых стали подбирать всех, кто ещё держался на плаву. Большинство мальчишек не ударили в грязь лицом и были спасены. Девчонки тоже, но в некотором отдалении: течение отлива сносило их куда сильнее назад в открытое море. Роб, которого выловили на середине пути от Артура с Азизом до Хёджина с Ха Ли, и тут принял на себя роль капитана, указывая гребцам, где ещё мелькают руки. Скоро на горизонте стало чисто – лишь корабль гордо держался вдали, застрявший в скале.

– Мы не рискнём всем, чтобы плыть за ними. Они сами выбрали себе такую участь, – пояснил Роб в ответ на молча-

ливые вопросы. – Нас стало гораздо меньше. Пятнадцать человек пропали без вести в пучине моря. Мы скорбим о них, но давайте всё же отправимся к берегу – теперь, надеюсь, благополучно.

Никто не спорил. Все надеялись на берег: там хоть что-то должно проясниться.

Как ни странно, Смотрители послушно развернули шлюпку и, с силой налегая на вёсла, направили её к острову.

– Нам надо спастись, пока нас снова не опрокинет волна! Помогаем грести, слышите?! Эй, переводчица, давай своим скажи, чтоб сядились за вёсла! – Роб не унимался и продолжал раздавать команды оторопевшей группе подростков.

Вняв его велению, мальчишки сядились на те же места, которые и занимали во время отплытия с корабля. Лодка была точь-в-точь, как та.

Ветер стихал. Дождь внезапно прекратился. Всё вроде бы хорошо, спасение уже совсем близко – скоро можно будет даже вплавь легко добраться до острова, вот только всех угнетала мысль про пятнадцать утонувших детей. Каждый представлял себя на их месте, брошенных, не умеющих плавать, захлёбывающихся солёной водой, чувствуя под собой неизмеримую глубину.

Страшное молчание нарушил кучерявый подросток с носками разных цветов, теперь ставших одинаково-землистого цвета.

– Минутку, господа, эта определённо та самая лодка, на

которой мы покинули корабль! – воскликнул он, показывая всем монетку. – Видите, это пять агор. Я жвачкой прилепил их под своё сиденье, когда мы отчаливали от корабля. Вот даже и жвачка моя, со вкусом дыни. Да, вот понюхайте, она и пахнет дыней.

Ему поверили на слово.

– Это та самая лодка. Но как она могла нас спасти, если она потонула?

Невольно взоры обратились к двум Смотрителям в сером, работающим вёслами прямо посередине лодки. Но те и не собирались отвечать на чьи-либо вопросы, а продолжали упорно, будто роботы, грести к заветной цели.

– Шлюпка-то деревянная, – подметил Роб. – Как она потонет? Мы слетели с неё все и не заметили, куда она уплыла. Может, её и прибило к берегу...

– А Смотрители там откуда взялись? Они ж остались на корабле!

– Наверное, это новые Смотрители – они могли на острове ждать! – подала голос памятная Робу смуглянка в платке, недавно помогавшая ему разобраться с хаосом на палубе. – У тех пальцы были тонкими, длинными, как у музыкантов. А эти! Гляньте на их кулачища! Череп расколоть могут ударом.

– Это подстава какая-то, чую я, – запаниковала девочка в свитере с чупа-чупсом. – Мы выжили, и нас хотят сделать агентами спецслужб. Конечно, ведь меня-то даже искать никто не будет. Я отброс.

– И я, – вынырнуло признание из дальнего конца шлюпки.

– И я тоже.

– И я.

– И я, – подхватило многоголосое эхо подростковых голосов.

– И я, – казалось бы, подытожил Роб, ранее уверявший всех в том, что его похитили террористы. Но даже им он, видимо, не был нужен.

Независимо от знания языка, каждый из подростков осознал в тот миг какую-то теплоту единства, словно общая мысль завладела всеми, и по ней пробежал ток, зажёгший лампочку, греющую оранжевыми лучами.

– И я, – громко, будто эхо в горах, раздался хриплый голос одного из Смотрителей.

Шлюпка причалила к берегу. Нос с силой уткнулся в песок.

Берег

Их ждали.

За слоем разноцветных ракушек и камней, на котором оказывались ноги спасённых, шёл слой мягкого песка, тянувшийся от воды и до крутого откоса высотой в человеческий рост. На его верхней части уже проглядывала тёмно-зелёная лужайка, высились папоротники и бамбук.

Роб, осматривая окрестности, шёл первым, за ним спешили Артур и Азиз. Остальные, чуть отстав, утопая мокрыми грязными кроссовками в месиве жидкого песка, еле переступали и шли, не оглядываясь на Смотрителей. Все двигались вперёд, к возвышенности, обещающей твёрдую почву под ногами.

Цепляясь за прочные стебли высокой травы, Роб вскарабкался наверх и первым обнаружил, что их ждали.

На лужайке было что-то, похожее на опустевший рынок, но длинный торговый ряд сооружён из бамбуковых стеблей с тростниковой соломой на кровле.

Да, возле прилавков никого не оказалось, но на них лежали миски, наполненные едой, и стояли кружки. Как будто здесь скоро должна начаться вечеринка – всё готово к приходу гостей.

Так неужели гости – это они?

Уже осторожной походкой приближался Роб, а за ним его двое высоких и крепких спутников, к необыкновенному месту. Оно с каждым шагом сильнее притягивало пряными ароматами и спасительной крышей от бесконечного ливня. Хотелось всё попробовать, но пугала опасность ловушки. Вдруг это испытание, как в сказках?

– А ничего такого нет, блин, в том, что все здесь жрать хотят! – громко выразил, наверное, общее мнение Артур. – Я сегодня будто трижды умер и воскрес – нестрашно и травануться тухлятиной. Как хотите, а я вижу мой любимый стейк с луком в сливочном соусе. Вон там, на широком блюде, рядом с кружкой холодного имбирного лимонада – даже отсюда чувствую головокружительную ауру неповторимого дуэта.

Роб с Азизом не стали его останавливать. Да и они бы вряд ли смогли после стольких часов голода и стресса помешать встрече мускулистого англичанина со стейком.

Несмотря на голод, Артур, подойдя к заветному месту возле тарелки с ещё не остывшим куском жареного мяса, не набросился на пищу, как дикарь, а долго искал глазами столовые приборы. И они нашлись! Правда, на другом конце пиршественного стола...

Мало-помалу поднимались остальные, вставали рядом с Робом и Азизом и, словно в зоопарке, смотрели на то, как ест Артур. Ел он со вкусом, медленно, наслаждаясь каждым ма-

леньким, отрезанным ножом кусочком, окунувшимся в сливочный соус.

Первой не выдержала темнокожая девочка в розовой кофте.

– Там же бургеры! – закричала она, словно вспомнила, что ушла из дома, оставив суп вариться на плите. – Они остынут, и всё – можно выкидывать! Холодный бургер – это сухая булка с жвачкой и соплями.

Решительным шагом, как и до того Артур, как не шагала она во имя спасения себя и других во время шторма, Кристина отправилась на свидание с любимой едой.

Это подействовало на остальных, подобно знаменосцу в бою, – с грозным беззвучным гимном толпа ринулась под крышу. Во время трапезы, жуя, объясняли друг другу, что пельмени холодными есть – преступление, крем-суп скоро превратится в пюре, а варёный рис станет липким, и его не спасёт никакой соус.

В итоге, сдались все, и голод победил.

Подростки ели, угрюмые, но довольные. Ели, забыв страхи и потери, неизбывную тоску и тревогу за будущее.

– Ты пробовала раньше хот-дог?

– Нет, а что это?

– Смотри, здесь их столько на тарелке положили, что мне и в мечтах не снилось, – делился с Ха Ли довольный Роб.

– А ты уверен, что эта тарелка предназначена именно тебе?

– Кому же ещё? Видишь, здесь всё именно так, как я люблю: хрустящая булочка, а внутри сосиска на гриле, лук, огурец и кетчуп.

– Я не знаю, что такое кетчуп и сосиска на гриле.

– Ну вот ты и попробуй!

– Ладно, а ты у меня ложку кимичи попробуй.

– Окей, – согласился Роб, но, отведав измельчённых овощей, покраснел и стал задыхаться. Ха Ли подсунула ему стакан сока. – Вы там у себя реально драконы, что ли? – выдохнул он, успокоив рецепторы холодным напитком.

Ха Ли звонко засмеялась и убежала к своим, где Хёджин готовил особую фирменную заправку к рису, смешивая несколько соусов, что уже были на столе.

– Эй, как тебя там, – обратился Роб теперь уже к другой соседке по пиршественному столу, знакомой смуглой девочке в платке.

– Сачинта меня там.

– Оу, Сачинта, значит. А что у тебя в руках за барбекю на палочке?

– Мы называем его сате. Это, видимо, куриное. Угощайся. Вот тарелка с арахисовым соусом, а вот с овощами.

– Я с радостью, спасибо. Никогда не видел столько разных блюд. Надеюсь, твоё сате не острое?

– Нет, оно мягкое и приятное.

– Сачинт, а ты тогда возьми у меня один хот-дог взамен твоей палочки с сате.

– Сосиска из какого мяса?

– Да я откуда знаю? Просто вкусная...

– Там, наверное, свинина, а мне такое не положено по закону, так что извини...

Сачинта отвернулась и пошла в сторону девчонок, дружно усевшихся под столом, чтобы слушать истории о прежней жизни. Кто как мог рассказывал и понимал, объяснял и слушал – каждый по-своему, но обнимались и плакали все. Впрочем, иногда лица озаряла улыбка.

Вдруг все, будто по команде, прекратили есть, пить, беседовать и настороженно привстали или отошли от своих мест на шаг, когда увидели двоих Смотрителей, появившихся возле пиршественного стола.

– Через час приходите в Лагерь на холме. Не опаздывайте. От этого зависит ваша судьба, – произнёс один из молчаливых серых стражей, указывая направление пути.

Не более чем в миле ходьбы от пиршественного стола находилась возвышенность с обнесённой частоколом на самом верху местностью.

Смотрители развернулись и сами отправились в указанный лагерь.

Веселье стихло в предвкушении часа развязки. Что-то надвигается, как туча в знойный день.

– Это был поминальный обед?! – раздался возмущённый голос Кристины. – Нас накормили, чтобы пустить в расход?! Тип, последнее желание приговорённых к смертной казни?

Ей никто не ответил. Многие стеснялись друг друга, боялись быть собой или создать первое неловкое впечатление вот так сразу, высказав суждение, возможно нелепое.

Она же, казалось, не стеснялась ничего:

– Мы так и будем молчать? Девчонки, вы же сами поделились, какую лапшу на уши навешали, прежде чем вы сюда попали. И где эта лапша?

– Но мы же ничего не знаем. Нас просто позвали в лагерь, – Роб решил ответить, раз уж когда-то принял на себя обязанность капитана. Значит, и вести должен до конца, хотя и сам не понимал, к какому концу они идут.

– Хорошо, нас позвали... Но как насчёт тех, кто не дожил до этого пира? Что за беспредел?! – Кристину было не остановить. – Почему нас бросили в старом корабле во время шторма, а не привезли сразу сюда, на пир, чтобы начать по-человечески знакомство? Ребята, это ненормально! Мы подписались на дикий эксперимент!

Среди наступившей тишины под звуки дождя за пределами пиршественного прилавка раздавалось одинокое чавканье – высокий худощавый мальчишка в спортивной куртке, в очках и с причёской под горшок преспокойно поедал рыбное ассорти. Казалось, его не тревожило то, о чём говорила Кристина.

– Ты чё лопаешь тут?! – Нашла козла отпущения юная американка.

– Мёлье, – сознался паренёк в спортивке.

– В смысле, мы тут думаем, как выжить, а ты жрёшь какое-то, на фиг, мёлье?! Жалкую подачку, которой нас хотят купить?

– А почему бы нет? Не пропадать же вкусной рыбе, – флегматично заметил ценитель мёлье и невозмутимо продолжил трапезу.

– Реально, ребят, за час столько ещё всего можно попробовать! – поддержал незнакомца Артур и вернулся к столу в поисках замены любимого стейка чем-то более изысканным.

Кристина лишь развела руками и, обидевшись на весь белый свет, который её не слушает, села на землю, высунув ноги в розовых туфельках за пределы навеса, подставив их такому же предательскому ливню.

– Что, Кристи, бургеры закончились? – шутливо начал разговор с землячкой Роб.

– Пошёл ты! – Небезызвестный средний палец возник перед взором.

– С Мичигана, да?

– Детройт.

– О да, ты, вижу, заводная.

– Пошёл ты опять и снова!

– Да брось. Ну на кого ты дуешься? Мы пока не команда, чтобы собраться и сделать что-то вместе. Обстоятельства сильнее нас. Надо понять их. Большого мы пока сделать не можем. И ты нужна нам, чтобы создать одну большую команду. Ну давай, пойдём на дорожку подкрепимся. Пускай

даже, как ты говоришь, это и будет последнее желание приговорённого к смертной казни. Но разве сам приговорённый станет от него отказываться?

– Нет, – улыбнулась Кристина. – А ведь, правда, не станет... Эй, девчонки! – прокричала она новым подружкам с разных уголков мира, понимала она их или нет – неважно. – Девчонки! Объявляю пир Судного дня. Жрём так, словно это наш последний в жизни обед!

И её слышали.

С новыми силами налетали на пиршественный стол с разных концов не только девчонки, но и внявшие зову мальчишки. Чуть меньше часа у них осталось – за это время стол должен стать совершенно пустым.

Это был вызов.

И вызов принят.

Лагерь

Частокол был неприступным: стена из кольев высилась ещё метра на два над их головами. Впрочем, ворота оказались отворены настежь. Внутри вела торная тропа, оканчивающаяся бамбуковым настилом, стоящим посередине лагеря, будто помост для казни в центре площади или сцена для выступления во время собрания.

Лагерь казался пустым. Двигаясь всё так же цепочкой: впереди Роб – теперь уже с Кристиной, за ними Артур и Азиз. Прочие слегка отставали, да и цепочка их больше походила не на висящую в воздухе, а на распластавшуюся на полу. Если с первыми что-то случится или дверь закроется, остальные тут же ринутся с холма водопадом.

Но первопроходцы благополучно оказались внутри, и грозы не случилось, если не считать той, которая не прекращалась будто бы вечность.

– Там пленники! – закричала звонкая Кристина. – Людей связали!

Новость мгновенно разошлась по звеньям на разных языках. Она лишь раззадорила любопытство: все жаждали скорее оказаться по ту сторону частокола и тоже увидеть пленных.

– Дикари! – предполагали мальчишки, с выпученными глазами передавая слух девчонкам, следовавшим за ними.

– Варвары в цепях!

– Каннибалы! – с приглушённым шёпотом говорили девчонки подружкам.

– Они ели людей и теперь их казнят.

– Нас съедят! – Любитель мёлье, одетый в спортивную курточку, замыкал процессию, но это ничуть не мешало ему делиться сведениями с воздухом позади себя.

В самом отдалённом от подростков крае лагеря, со стороны холма, спускавшейся к морю, вдоль по периметру частокла аккуратно расставили девятнадцать стульев, к которым были привязаны люди в масках. Они не сопротивлялись: не пытались кричать или порвать верёвки. Они приняли свою судьбу и покорно ждали казни или ещё чего хуже.

Один из Смотрителей встал возле первого стула с пленником, второй – возле последнего.

Не говоря ни слова, с открытыми от изумления ртами, гости странного лагеря расходились по его площади, не сводя глаз с сидящих.

– Ради кого же нас не принимали этот час? Я думала, ваш какой-нибудь мегакрутой босс был слишком занят. А оказалось, в лагере никого, кроме нас и этих дикарей! – привычно возмущалась Кристина.

Ей никто не ответил. И это тоже выглядело привычно.

Но семя разочарования было брошено: подросткам снова никто не собирается ничего объяснять. Ни по прибытии на остров, ни спустя обещанный час.

– А это и не дикари, – зловеще отчётливым тоном заметила Сачинта. – Они же одеты, как мы. В кеды, кроссы, шлёпки, сланцы, да и футболки с платьями на них...

– Нас свяжут и посадят рядом!!! – завизжала Кристина и, ожидая погони, стала расталкивать толпу, чтобы первой выбраться с проклятого лагеря. – Нас казнят!

Последние слова она крикнула в лицо всё ещё замыкавшему строй высокому подростку в спортивке и выскочила за ворота. Он поглядел ей вслед, размышляя, не ослышался ли.

Не зная, стоит ли бежать вслед за девчонкой в розовой кофте, все повернулись лицом к воротам. К удивлению, Кристина очень скоро вернулась, не дав должного времени на разрешение проблемы.

– Всех казнят! – кричала она, тряся руками с вытянутыми ладонями перед толпой и головой указывая куда-то за пределы лагеря.

Что же надвигалось оттуда, заманив подростков в ловушку?

Роб, Хёджин, Артур и Азиз перешли от пленников обратно ко входу, словно пытаясь оградить остальных от кошмарного Зверя из Преисподни.

Вместо Зверя внутрь вбежала настырная девочка, русская, как помнил Роб. За ней шёл её друг в мокром пиджаке. Через несколько мгновений пространство лагеря потеснили ещё десять детей.

– Так корабль не потонул? – как бы для статистики спро-

сил у Мэри Роб, не желая признавать вину...

– Как видишь... До сих пор стоит. Как и было в книге...

Роб ждал классического «Я же говорила», и он бы вытерпел, лишь бы не чувствовать вины...

Почему же он ощущал её именно сейчас? Было бы лучше, если б он выиграл спор? Должны, что ли, погибнуть эти двенадцать детей, чтобы Роб не чувствовал ответственности за своё решение оставить корабль и плыть на шлюпке?

Нет, конечно, Роб не мог так подумать. Они выбирали сами, они всё выбирали сами, ведь он дал им право.

Роба словно прожёл взгляд Хёджина, и во взгляде читалось: «Вот что значит быть капитаном, Роб. Если бы ты приказал всем идти за тобой, ты бы не убивался так сейчас».

«Нет, – мысленно ответил ему Роб. Или же себе. – Если бы я не оставил им выбора, я был бы виноват ещё и в их гибели. Вдвойне».

Замыкали шествие те два Смотрителя, которые, видимо, и оставались на корабле. Они зашли и закрыли ворота в лагерь. Теперь не выбраться никому: частокол слишком высок, чтобы попробовать перелезть, даже встав друг другу на плечи.

– Сейчас начнётся, – запаниковала Кристина. – Я не буду овечкой – я не позволю себя связать. Ребята, их только четверо. Будем кусаться, лягаться и бить всем, чем можно!

– Вам нужно выбрать главного, – будто не слыша воинственных слов девчонки, загробным голосом пробасил

Смотритель, стоящий возле первого стула с привязанными пленниками. – Вам нужно сделать это прямо сейчас.

Голос не предполагал возражений – его слушали все, и не помышляя перебивать.

Внезапно прекратился ливень. Ветер стал тише, тучи таяли на глазах. В жарком климате, как здесь, можно было надеяться на то, что одежда и обувь быстро высохнут прямо на теле и завтра не проснёшься, страдая от ломоты в спине и кашля.

– На выборы две минуты. Пока идёт первая, вы уже решайте каждый для себя, кто будет отвечать за всю группу. Когда начнётся вторая, вы пальцем укажете на того, кого считаете лидером. Менять решение нельзя. Если вы передвинете руку, ваш голос не будет засчитан.

Смотритель говорил по-английски. В течение первой минуты сообщение переводилось остальным. Кто же владел языком, уже взглядами искал достойных кандидатов.

– Итак, голосуйте!

Указательные пальцы, подобно револьверам, выстрелили в нужных направлениях и застыли. Роб увидел себя, окружённым десятками устремивших на него пальцы подростков, как будто учителю сдали провинившегося недотёпу. Вот только смысл здесь заложен иной, отчего Роб ощутил прилив сил и оптимизма: его выбрали, его уважают. Сам-то Роб направил палец на Кристину. А почему нет? Девчонка вечно всем недовольна и качает права, так пусть пробует себя в

качестве главной, когда требовать все начнут с неё...

За время первой минуты он сначала подумал о Хёджине, справедливом, заботливом, но потом представил его главным... Нет, не хотел бы Роб подчиняться жёсткой воле одного человека, пусть даже и думающего о благородных целях.

Хёджина тоже выбирали, но чуть меньше, чем Роба. В основном, представители Востока. Все же, кто остался на корабле, конечно, выбрали Мэри. К ним присоединилась ещё парочка недовольных, спасавшихся вплавь – видимо, то ли угощение посчитали малой платой за пережитое приключение, то ли решили сменить «капитана» в память об утонувших.

Единственный голос был также у любителя мёлье – на него показала Кристина. Роб решил, что это шутка. Или издевательство.

– Роберт Аллен, большинством голосов, ты выбран руководителем группы. В этом году именно ты будешь отвечать на вопросы, получать задания, отчитываться и принимать важные решения, – отчеканил безэмоциональный Смотритель, словно Терминатор. – И первое решение тебе предстоит сделать сейчас. Ты можешь спасти только одного из пятнадцати, которым не суждено было оказаться с вами в Лагере. Ты Перст Судьбы. Не советуясь ни с кем, решай прямо сейчас.

Роб оторопело стоял, уставившись на привязанных к стульям.

– Не может быть! – закричала Сачинта. – Этого не может быть! Они не могли вернуться! Они утонули! Они погибли!

До Роба вдруг стала доходить безумный и одновременно спасительный смысл слов Сачинты. Да, он запомнил не всех, но в самом высоком пленнике как можно было не узнать Джейсона?! Как могло подвести зрение, если он не признал ту самую баскетбольную майку, вылезаящую из-под толстого каната?

А слева от Джейсона сидит себе жив-здоров малыш, слетевший с Вороньего гнезда: метку на лице не смогла скрыть повязка на глазах.

И вдруг до Роба дошёл смысл слов Смотрителя: он должен выбрать из выживших только одного!

Значит, он спасёт одного, а будет виновен в казни четырнадцати человек! Всех четырнадцати – и именно он!

Хотя... Как это виновен?

Нет. Он не будет виновен в казни. Это же подстава! Нельзя обвинять топор в кровожадности. Обвинять надо палача. Нет, даже не палача, а судью. Того, кто решил, что четырнадцать человек должны исчезнуть и лишь один – выжить. Дурацкие правила садиста-кукловода. Виновен кукловод!

В бешенстве обводя глазами всех связанных, Роб решал сложную дилемму: конечно, группе нужен именно Джейсон,

сильный и уверенный в себе. Джейсон мог бы завалить, например, Смотрителя, если дело дойдёт до драки. Но Джейсон...

Он соперник.

Роб не хотел становиться гадом, подло устраняющим конкурентов, но он боялся Джейсона. Сегодня эта гора мышц помогает тебе, а завтра – опускает на дно.

– Я выбираю её! – Принял ответственное решение Роб. Он указал на кроху со спутанными волосами, девчонку, которой ни за что не дашь тринадцать – прямую противоположность Джейсону.

Смотритель, стоящий возле последнего стула, достал из кармана пульт и стал нажимать кнопки, пока частокол за стульями опускался в землю, как в зыбучие пески. Когда не осталось ничего, кроме обрыва, стулья полетели вниз. Один за другим привязанные пленники падали в море с высоты пятиэтажного дома, даже не поняв, что с ними происходит.

Осталась только девочка, выбранная Робом. Она так и сидела с завязанными глазами, пока остальные пропадали, улетающая в пропасть.

Роб закрыл глаза после второго выброшенного за борт.

Стена поднималась обратно, заслоняя группу подростков от ужасного события, что только что свершилось на их глазах.

"Школа Рока"

Смотрители, все четверо, стояли на бамбуковом настиле в центре лагеря.

– Теперь, когда больше нет посторонних, мы можем говорить открыто.

Они сняли капюшоны. Взорам подростков открылись лица троих мужчин и одной женщины. Старший казался лет шестидесяти, лысый, с крутым, слегка выпуклым посередине лбом, небрежной щетиной под носом и вокруг рта. Он начал разговор.

– Не беспокойтесь насчёт них. Они целы и здоровы. И сейчас находятся на пути домой. В отличие от вас. Ваша судьба теперь навсегда связана с этим миром.

Маленькая девочка, печально посмотрев на Роба, расплакалась. Она лишилась последнего шанса вернуться к родителям.

Шум поднимался волной по собравшейся толпе. Они обречены. Они не вернутся!

– Стоп, стоп! Не переживайте. Я уверен, как и был уверен много лет, вас ждёт куда лучшая жизнь, чем раньше. И своё предназначение здесь найти куда проще, чем там, где вы были никому не нужны.

Ропот постепенно стихал. Дети прислушивались к пожилому Смотрителю.

– Начнём с того, что сейчас вы находитесь так же на Земле, но в скрытом пространстве, главном, мы зовём его Душа Мира, или Корвишв. Вас выбрали Наблюдатели для того, чтобы вы стали учениками "Школы Рока". Здесь вы будете учиться управлять Судьбой. Своей судьбой, чужой судьбой, судьбами стран. Возможно, вы не замечали, но в вас уже были заложены способности управлять Роком. Не замечали, как порой ненавязчиво Судьба помогала вам выпутаться из сложных ситуаций? Оставляла целыми и невредимыми тогда, когда другие, возможно, бы и погибли? Наблюдатели заметили это, и вот вы здесь. Впрочем, не считайте себя Избранными, то есть единственными и неповторимыми. Нет, вы обычные мальчишки и девчонки, просто немного везучие – поэтому вы и здесь. Кроме того, вы пережили Первое испытание – крушение корабля, вы выжили в отличие от тех, кто нас только что покинул, – и снова доказали и себе, и нам, что вправе стать учениками Школы. И, наконец, ваша отрешённость. Разве каждый не чувствовал себя лишним дома, во дворе, во время уроков или прогулок, на вечеринках, даже если вас на них не позвали? Вы никогда не были вместе с толпой, ибо ваше место здесь.

– Говорит, как проповедник, – заметил Артур.

Остальные молчали, проглатывая смысл сказанного. И наживка приманивала рыбок в пруду.

– Но ваша отрешённость не знак Избранных. Нет. Снова нет! Ваша отрешённость – это большой плюс для того, чтобы забрать вас навсегда. Вы пропали без вести: убежали из дома, потонули в болоте, затерялись в лесу, похищены террористами, потеряли память – какая разница?! Мало кто хоть пальцем о палец ударит, чтобы вас найти...

Дети опустили глаза, словно им стыдно было за свою ненужность, как и всегда было стыдно, когда их в этом обвиняли родители, учителя, одноклассники, воспитатели, ребята со двора, пророчившие неудачу незнакомцы: «Кто так мяч подаёт, урод?», «Ты ошибка молодости», «У тебя мозгов нет и не будет», «Рукожоп, иди на фиг, я сам закручу», «Зря еду на тебя переводим», «Одни глупости на уме – хоть бы раз в жизни что умное сказал!» Дети привыкли к этому: они родились не такими, не там, не тогда.

– Я Феликс Констанц, повелитель Судьбы. После окончания Школы вы тоже станете повелителями Судьбы. И тоже как минимум научитесь делать вот такие фокусы, – на миг лицо Феликса просветлело, и края тонких губ скривились – наверное, для детей это и стало главным фокусом: он умел улыбаться. Потому что суть его демонстрации заключалась в том, что на бамбуковый настил откуда-то сверху шлёпнулся кокос, с треском проломил пару тростинок, но сам остался

целым.

– Вы заставили Судьбу защитить вас от падающего кокоса, мистер Констанс? – не скрывая насмешки, спросила Кристина.

Её шутка подняла настроение у взволнованных подростков. Они не понимали, что происходит и кому верить, многие мечтали вернуться домой, туда, где всё понятно, хоть и не всегда приятно. Но там есть те, кто реально смыслит в жизни, пусть хоть и назовут долбозвонами или куда хуже... А здесь? Какой-то Мерлин недоделанный хочет научить их ловить кокосы после того, как их швыряло до тошноты по волнам в шторм.

– Моё имя – Костанц, девочка. Запомнить нетрудно. И отведу на твой вопрос: нет. И советую не спешить с выводами. Посмотрите вокруг. Вы видите пальмы?

На самой площади лагеря вообще деревья не росли, как не было их и около забора.

– Но как здесь оказался кокос? – спросил тут же Роб.

– Правильный вопрос, мальчик, – похвалил руководителя группы Феликс. – Кокос оказался здесь по моей воле, воле повелителя Судьбы. Я нашёл нужные нити, по которым один из плодов может упасть, мгновенно преодолеть расстояние с помощью случайно оказавшихся в том месте и в то время существ и предметов – и предстать перед нами. Предлагаю им полакомиться, раз уж довелась такая возможность. Мастер Фридохльд, вы не поможете «освежевать» добычу? Кстати,

позвольте вам представить вашего ментора первого учебного года – Дедрика Фридрихольда!

Один из оставшихся Смотрителей, высокий, под два метра, мужчина с аккуратно подстриженной полной рыжей бородой, не обращая внимания на представление, не поздоровавшись и не поклонившись, подошёл к Феликсу с широкой деревянной миской и тесаком. Тупой стороной ножа ударил по кокосу, повернул и ударил снова – кокос раскололся, молоко вытекло в миску.

– Друзья, это был просто фокус, – с довольным лицом сообщил повелитель Судьбы. Машке, или Мэри, как знали её англоязычные друзья и соперники, почему-то вспомнился трудовик, который в век появления в каждой квартире телевизоров и даже игровых приставок и компьютеров с безумной радостью показывал им, какие табуретки он смастерил своими золотыми руками. Наверное, один раз поразил этим советских школьников лет сорок назад и с тех пор пребывает в эйфории бога. – Вы же научитесь большему. А мы обязаны передавать знания другим, и потому раз в шесть лет проводим набор в "Школу Рока". Все вы должны выучиться до конца – кто-то лучше, кто-то хуже. И сегодня я лишь объясняю вам азы. Девочка, покажи всем свою книгу.

Он обращался к Маше. Она непонимающе посмотрела на Феликса.

– А? Какую книгу?

– Ту самую, которую ты украдала из читального зала биб-

лиотеки.

Все смотрели на Машку, как на подсадную утку в цирке. Во взглядах подростков читалось: «блатная», «дочка Смотрителя».

– Но откуда вы знаете? – опешила Машка.

– О, я знаю про всех вас многое, девочка, – умильным голосом мудрого трудовика ответил Феликс.

«Ага, знает про всех нас многое, а зовёт не по имени», – хотела сделать замечание Маша, но решила не злить новое руководство.

Повиновавшись, представила взорам собравшихся «Робинзона Крузо», достав его из пластикового пакета, который позаимствовала у аристократичной англичанки с родинкой на щеке во время обеда на корабле.

– Да, вот она. Первая. Это азбука. Постигать магию подчинения линий Провидения нужно по книгам. Всего их пять, как и пять лет обучения повелителей Судьбы. Первая книга – это роман Даниеля Дефо «Робинзон Крузо». Она всегда была для вас просто книгой, лежащей на полках магазинов, библиотек, домашних стеллажей, но она станет настоящей книгой заклинаний, если вы её проживёте. Да-да: проживёте, на себе ощутите ужасы крушения, тоску одиночества, голод, тревогу и многое из того, что чувствовал сам герой. Именно поэтому вы и здесь, именно поэтому вы и преодолели Первое испытание.

Дети, многие из которых и не слышали о «Робинзоне Кру-

зо», не понимали ничего. Они смотрели на Феликса Констанца как на пришельца с другой планеты.

– Человек, просто открывший один раз эту книгу, не сумеет управлять своей жизнью или тем более чужой, – продолжал лекцию повелитель Судьбы. – Он будет читать предложения, но не сможет сделать из них заклинания. Но повелитель Судьбы, переживший то же самое или почти то же самое, сумеет приблизиться к волшебству слов Первой книги. Весь первый год вы проведёте на острове, как и бедный Крейцнер...

Феликс смотрел на детей, на то, как они пытаются понять его, как, недоумевая, некоторые англоязычные дети переводят своим друзьям смысл сказанного, но непонятого.

– Среди вас представители разных стран и разных народов. Каждый год вы будете изучать язык той книги, на котором она была написана, так как заклинания Судьбы работают только на языке оригинала. Нам повезло, что «Робинзон Крузо» на английском: многие из вас хотя бы шапочно его знают. Наш учитель Грейс Шарп разделит вас на группы и будет проводить занятия по английскому языку каждый день в определённое время – вам надо выучить его быстро и качественно. В остальное время вы будете учиться выживать, искать пищу и готовить её, создавать вещи из подручных материалов, как всему этому учился и он. Правда, в этом вам помогут другие учителя, помимо мисс Шарп, – не забывайте, что у нас всё же школа. Повелитель Судьбы должен уметь

не только дёргать за нити, но и быть настоящим Человеком. Не все услышали свист летящего с невероятной скоростью плода – второй кокос приближался к лагерю. Невозможно было не поверить, что вновь вызвал его Феликс, потому как тот приготовился к встрече. Ребро выставленной перед головой правой кисти поместил перед ребром левой – и встретил несущийся на него плод. Мизинец и ребро ладони разрубили кокос пополам, а левая ладонь защитила лицо: половинки разлетелись и шмякнулись где-то возле частоккола за спиной Феликса. Кокосовое молоко брызнуло ему на плащ, но внезапный порыв ветра обратил движение жидкости так, что она аккуратно вылилась в ту самую миску, где уютно дожидалась своего часа начинка первого кокоса.

– Судьба даёт шанс не каждому. Вы можете многому научиться, но помните: сперва надо стать настоящими людьми и лишь потом управлять судьбой – своей, чужой, даже судьбой страны...

Теперь ему поверили, кажется, все подростки. Они стояли, благоговей. Это уже не табуретку из деревяшек сколотить – это сила, физическая, моральная и ментальная. Все захотели научиться стать такими же, чтобы проучить обидчиков, добиться справедливости.

– Вы станете лучшими людьми, – говорил Феликс Констанц, но понимал, что сейчас они его не слышат.

Перерождение

Кристина

На ферме тот, кто не мог за себя постоять, не мог выжить. Ему приходилось в конце концов уезжать в город, чтобы устроиться на унылую работу по просиживанию штанов в офисе, или сгинуть, как, например, Пол Батлер – в ответ на любую обиду он не давал сдачу, не лез в драку и не доставал пушку, а вечером, после работы, шёл в бар и глушил своё горе, стараясь забыться. Так и забылся. И его уже почти все забыли, кроме Кристи, как он её звал, когда они играли в настолку перед сном, если дядя Пол не напивался сильно.

В их общем домике проживало в общей сложности пять рабочих, в основном, неудачников, отсидевших или просто остолопов – людей без будущего. Потому важно было среди своих не ударить в грязь лицом, сохранять честь и, если кто не так посмотрел, обязательно разобраться с ситуацией. Если же на стороне обидают, то весь дом, захватив оружие, придёт на выручку. Кроме Пола.

Пол Батлер пропускал мимо ушей насмешки, тычки и подзатыльники как от своих, так и от чужих. Это казалось так, что пропускал. Он их слышал, но никогда не отвечал. Он их помнил. Играя в «Монополию», Пол швырялся грубыми шу-

точками, когда игрокам приходилось платить за простой на его предприятиях, и хамил, если ему выпадало отправиться в «Тюрьму». И шутки, и дерзости были точными цитатами из личного опыта...

Такая жизнь довела его до того, что после очередной крупной обиды и вечера её забвения Батлер не проснулся. Приехала скорая, его увезли и назад не вернули.

С Кристи больше некому было играть. Отец лишь огрызался, если она к нему обращалась с просьбой составить компанию в настолку, даже в карты – хотя с рабочими в них резаться мог до полуночи. Вообще отец на неё мог только ругаться и приказывать. Ругался, когда Кристи напоминала ему мать, «чёртову куклу с придурью». Приказывал, когда самому лень было подниматься с кровати после тяжёлого дня. Ему нельзя перечить или не подчиняться – рука отца тяжёлая, да и в их общем доме он пользовался уважением. Лишь пару раз на памяти Кристины он серьёзно поцапался с соседями по огромной комнате, когда дело дошло до поножовщины. Отец мог не только за себя постоять, но всем своим видом внушал уверенность в этом.

Именно такой она и старалась стать: давать отпор, быть уверенной в себе и презирать слабаков.

Потому, едва только встретившись на острове с Акселем Калландом, она тут же возненавидела всеми фибрами души это убогое существо в зачуханной спортивке, длинное, с причёской дебила, да ещё и в очках! Это убожество продержаж-

лось бы на ферме не дольше дня, а здесь, на острове, ему грош цена. Обуза, лишний рот!

Так и сейчас, пока у всех появилась важная задача – обустроиться на новом месте – эта уродина подходит к каждому и спрашивает один и тот же вопрос: «Как думаете, мы будем жить здесь по закону Янты?» И потом снова: «Как думаете, а мы будем...» Придурок! Так бы и вдарила ему кулаком по носу, чтоб кровь увидеть на его лице. Чтоб подучился, как себя мужики должны вести. По ходу, дома ему это никто не объяснял. Все, все его игнорируют как умалишённого. Аксель осмелился и к ней подойти с этим тупым вопросом, на что получил недвусмысленный ответ: «Иди в жопу». Вдарила бы, но она пока сама здесь не освоившаяся. Может, он тоже вот так с проблемами справляется? Дурачится.

Подобно Полу Батлеру, Аксель Калланд на её грубость внешне не обиделся, не набычился и даже бровью не повёл. Пожав плечами, пошёл задавать тупой вопрос другим.

Сама же Кристина понимала: сейчас перед ней и остальными ребятами встали куда более важные вопросы. Её, в отличие от красавчика Роба, беспокоило не то, как они будут здесь выживать, а то, ради чего их здесь всех собрали. А раз уж собрали, то голодом точно морить не станут. Пусть не столь роскошно, как в первый раз, но кормить-то их должны – и пусть горят огнём всякие романы про Крузо. Если их не будут кормить, это нарушение прав устроителей школ. Это против конвенции о правах ребёнка ООН – а это будет значить, что...

Что останется самый главный вопрос: а насколько законно это заведение? Можно ли доверять фокусникам в серых плащах? Только недавно они видели, как девятнадцать подростков по пути дали дуба: кого-то выбросило за борт, кто-то потоп – и вот они живы и здоровы, сидят с завязанными глазами. Пусть даже произошёл какой-то эксперимент и их на дне ловили водолазы – это кричащее нарушение закона! Ни одна школа не может себе позволить так издеваться над психикой подростка!

– Слышь, Роб, а ты уверен, что узнал в том парне Джейсона? – спросила Кристи, когда вождь, занятый постройкой навеса, пробежал мимо, держа под мышками сразу дюжину

толстых бамбуковых стеблей.

– Ну, а кто там мог быть ещё? – удивился Роб, которого больше интересовали сейчас другие вопросы, и он жалел, что плохо слушал инструктора в летнем лагере по выживанию.

– Да кто угодно. Посадили просто крупного парня, одели как Джейсона...

– Слушай, да в чём проблема, а? – Роб за всего-то один долгий день превратился из стильного металлиста в рваных джинсах и бандане в осипшего бродягу, с красным потным лицом, съехавшим на плечи платком и бешеным ёжиком, прятавшимся под ним. – Хватит уже строить теории – давай помогай строить дома!

– Они обманывают нас. Зачем строить дома – надо найти обманщиков, прищучить и узнать всю правду. Нас же больше! Да, мы подростки, но что мешает толпой завалить того самого Феликса, связать и потребовать правды!

– Слушай, Кристи, я не собираюсь этого делать. У меня есть насущные дела! Ночью может снова начаться дождь, а у нас нет крыши над головой. Тебя это не волнует?

Артур, сдружившийся с Азизом, тащил ворохи пальмовых ветвей на крыши.

Биржан с Мэри и самой маленькой девочкой, «спасённой», затачивали бамбуковые стебли: девчонки держали длинную палку, пока парень пытался единственным найденным в отряде ножом хоть немного заострить её конец.

Хёджин, взяв помощниками двоих подростков, с которыми нашёл общий язык, вбивал колья, чтобы получились шалаши.

Фред, очкарик в зимней шапочке, связывал веником пальмовые листья – накрыть шалаш сверху от сильного ливня. Работа спорилась. Интересно, сколько таких домов они успеют сделать до темноты?

– Да вы просто овечки. Скоро заблеете: ме-е-е-е! Вас раскормили, чтобы шерсть состричь, а мясо сожрать. Я не такая – я выясню, что тут происходит! – Кристине стало тошно от коллективного труда – её мнения даже не спросили, а ведь она многое смыслила в мужской работе.

– Ну и флаг в руки тебе, а я пойду делами займусь. И, кстати, знаешь... Откуда бы им взять одежду Джейсона, если его снесло за борт во время шторма?

– А я вообще сомневаюсь, что его снесло. С ним ведь оставался Смотритель. Здесь что-то не так. Нам многое не договаривают. И я не хочу становиться их марионеткой.

Кристина сделала выбор: она зашагала прочь из строящегося лагеря. По пути плюнула прямо под ноги Акселю, презрительно посмотрела на очкарика в зимней шапочке и пожелала удачи Хёджину, который, впрочем, ничего не понял из её слов, но доброжелательно улыбнулся.

Она пошла прочь, хотя приближался вечер, удивительно тёплый и солнечный после непогоды, ставшей причиной крушения их корабля. С вершины холма видно было лишь часть

острова – если, конечно, это остров, а не место съёмок шоу – остальное скрыто за высокими лесами. Тропинка закончилась возле стола недавнего пиршества. Еду и тарелки уже успели убрать.

Дальше никаких дорожек не было. Справа обрыв – выход к бухточке, шлюпке и застрявшему вдали кораблю. Он вряд ли уже вернёт её домой. Позади тропка, ведущая к лагерю. А ей-то куда идти? Остров казался бескрайним для двух, максимум трёх часов до захода солнца.

Никогда Кристине не было так страшно от чувства одиночества. С одной стороны, нужно доказать им всем, доказать... А зачем им что-то доказывать? Нет, этот вопрос не должен появляться! Это вопрос в духе Пола Батлера. Вопрос человека без стержня. Кристину не послушали, не приняли её доводы, стали строить лагерь сами, не решив для начала вместе, что строить лагерь на самом деле нужно. Да! Этого они все не поняли. И она сейчас найдёт Серых червей-смотрителей, прячущихся где-то на острове, чтобы прижать их и заставить говорить.

Вот только даже себя убеждая в правоте, она всё сильнее ощущала страх и одиночество.

Но упрямство мешало признать это, и Кристина пошла наугад, куда-то в дикий лес.

Дойдя до его чертогов, она в очередной раз задумалась о смысле побега, так как тропинки через густые заросли меж деревьев не было и в помине, вдали слышны звуки животно-

го мира, а по широким листьям активно ползали насекомые и прочая нечисть, о которой в Техасе и слыхом не слыхивали. Неужели Смотрители прятались где-то там? Но куда же тогда они, чёрт возьми, делись? Не на тонущий же корабль отправились!

Надо решаться! Пусть не здесь начинается тропинка, но она же где-то есть, она должна быть. Всего-то рискнуть – и лишь ей одной откроется тайна!

Кристина не шагнула вперёд, в густую листву – она ломанулась туда, как подбитый стрелой лось. Девчонка бежала, ломая кустарники, разрывая сросшиеся лианы, позволяя своему лицу и рукам облепляться густо паутиной с застрявшими в ней засохшими жертвами. Кристина потеряла счёт времени, она бежала к неведомой цели, боясь погони тех, кого она потревожила случайными шагами: змей, пауков и кого там ещё можно встретить на необитаемых островах... Книжки читать было делом далеко не почётным, а по телику, в основном, проглядывала сериалы про любовь. «Рембо» не любила – видимо, зря.

Лучше не кричать – шум привлечёт хищников. Кристи, тяжело дыша (а как иначе?), шла молча, вглядываясь в зелёную даль, всё больше отчаиваясь. Почему-то вспомнился фильм «Хищник». Казалось, нечто инопланетное выскочит сейчас из-за дерева и добьёт одинокую «чёртову куклу с придурью». Ведь только она не осталась со всеми, хотя могла бы сейчас готовиться ко сну под бамбуковым навесом, накры-

тым пальмовыми листьями.

Тропинка!

Глаза не обманывали в полумраке вечернего леса: вон там, шагах в пяти, лежала тропа, утоптанная, шириной на двоих путников. Вот оно! Надо лишь дойти и выбрать направление, в какую сторону двигать. Тропа лежала перпендикулярно. Значит, она не вела ни к лагерю, ни от него. Вернуться всё равно придётся, лишь сойдя с тропы. Что ж, пусть верный путь подскажет чутьё. Кристи однажды пользовалась этим способом, когда надо было находить дорогу домой в голой степи, где не видно ни трассы, ни жилья. Она принюхивалась, как волчонок. Почему-то именно так она сейчас себя и ощущала – не иначе. Волчонок!

Зверь будто ожил глубоко внутри. Волчонок указал ей следовать направо. И она подчинилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.